

18+

ЯНА СОМОВА

ПРАВИЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ

Яна Сомова

Правильная жизнь

«Издательские решения»

Сомова Я.

Правильная жизнь / Я. Сомова — «Издательские решения»,

Марат умер внезапно. Яна осталась с телефоном в руке, тремя детьми, кредитами и двадцатью годами общей жизни, которую теперь не с кем обсудить. Все помнят, каким хорошим мужем он был. Яна тоже. Но ещё она помнит один август, когда должна была уйти — и осталась. Теперь нужно просто справляться. Пока однажды Яна не проезжает нужный поворот, не снимает пустой пластиковый стул и не уезжает одна. А Кирилл появляется позже — когда она впервые начинает спрашивать себя, чего хочет сама.

© Сомова Я.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. После	6
Глава 1. Телефон в руке	6
Глава 2. После похорон	8
Глава 3. Через месяц	11
Глава 4. Сорок дней	18
Глава 5. Туман	25
Глава 6. Семь тысяч	29
Глава 7. Выпускной	32
Глава 8. Правильная жизнь	36
Часть вторая. Себе	44
Глава 9. За рулём	44
Глава 10. Свет у дороги	48
Глава 11. Один гость	52
Глава 12. Домик	57
Глава 13. Не плохо	61
Глава 14. Возвращение	65
Глава 15. Август	69
Глава 16. Пирожное	73
Глава 17. Три дня дороги	75
Глава 18. Море	80
Глава 19. Обратно	84
Глава 20. Миллиметр	87
Глава 21. Сентябрь	92
Часть третья. Вместе	95
Глава 22. Чёрная машина	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Правильная жизнь

Яна Сомова

© Яна Сомова, 2026

ISBN 978-5-0070-9881-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. После

Глава 1. Телефон в руке

Телефон зазвонил, когда Яна спала.

Она легла под утро, не раздеваясь до конца, и так и оставила телефон в руке. Марат второй день лежал в реанимации. Врачи не обещали ничего, кроме следующего разговора, а следующего разговора всё время приходилось ждать.

Яна открыла глаза не сразу. Экран светился возле лица, незнакомый городской номер дрожал вместе с её ладонью. Первой мыслью было, что она пропустила обычный звонок из больницы и сейчас услышит те же слова: состояние тяжёлое, изменений нет, ждите.

Она ответила.

Врач назвал себя, спросил, Яна ли это, и ещё до того, как произнёс главное, голос стал другим. Не мягче — осторожнее. Так говорят, когда слова уже нельзя заменить никакими другими.

Марат умер.

Яна переспросила, хотя расслышала каждое слово. Фраза просто не помещалась в том мире, где ещё вчера она стояла возле закрытой двери реанимации и ждала, когда ей разрешат войти на несколько минут.

— Когда? — спросила она.

Врач ответил. Потом объяснял что-то ещё: ухудшение, остановка, реанимационные мероприятия. Яна держала телефон так крепко, что заболели пальцы. В комнате было темно. Из соседней комнаты донёсся шорох: кто-то из детей проснулся.

Лёша вошёл, пока она ещё слушала.

Он был босиком, в футболке, волосы торчали после сна. Сначала остановился у двери. Потом увидел её лицо и подошёл ближе.

— Мам?

Яна подняла свободную ладонь, будто просила подождать. Врач закончил говорить. Она поблагодарила его — зачем-то именно поблагодарила — и звонок прервался.

Телефон остался в руке.

— Папа умер, — сказала Яна.

Лёша сел рядом на кровать. Не спросил, точно ли. Не сказал ничего. Просто придвинулся и обнял её, неловко, боком, потому что между ними лежало одеяло и Яна всё ещё держала телефон.

Олеся пришла почти сразу, тоже босиком, с собранными на затылке волосами. Посмотрела сначала на брата, потом на мать.

— Что?

Яна повторила.

Дочь села с другой стороны. Через несколько минут появился Глеб — сонный, сердитый оттого, что его разбудили, ещё не понимающий, почему никто не отвечает на обычный вопрос. Он увидел их троих на кровати и замолчал прежде, чем Яна успела сказать.

Они сидели все вместе.

Кровать была слишком маленькой даже для двоих, а теперь на ней оказались четверо. Глеб устроился у Яниного плеча, Лёша держал её за руку, Олеся сидела у ног. Нора подошла из проходной комнаты, положила морду на край матраса и смотрела на Яну.

Никто не плакал сразу. Наверное, потому что для слёз сначала требовалось понять, что произошло.

Два предыдущих дня дети продолжали жить почти обычно.

После инсульта Марата увезли в больницу, и Яна приезжала туда, ждала в коридоре, говорила с врачами, ненадолго заходила в реанимацию.

В первый день ей разрешили увидеть мужа всего на несколько минут. Марат лежал неподвижно. Лицо было его, щетина тоже, складка между бровями — знакомая. Всё остальное принадлежало больнице: кровать, белая ткань, трубки, звуки за перегородкой. Яна коснулась его руки.

— Я здесь.

Потом рассказала, что дети дома, Лёша нашёл потерянную зарядку, а Нора снова легла поперёк прохода. Обычные слова давались легче. Просить Марата проснуться она не стала.

В коридоре Яна сама написала его матери: инсульт, состояние очень тяжёлое, она рядом и позвонит после следующего разговора с врачом. Когда женщина перезвонила, Яна повторила всё, что знала.

Потом возвращалась домой. В реанимации нельзя было сидеть рядом часами и ждать, пока он проснётся. Там были правила, двери и короткие разрешённые минуты.

Дома дети спрашивали, что сказали врачи. Олеся ходила в университет, Лёша и Глеб — в школу. После уроков Глеб ещё спорил, идти ли на репетицию. Они переживали, но пока не понимали, что именно происходит. В их опыте взрослые заболевали, лежали в больнице и возвращались. Даже слово «кома» оставалось медицинским словом, а не концом прежней жизни.

Яна кормила их, отвечала на вопросы и снова ехала в больницу. Ночью ложилась с телефоном. Днём проверяла звук, хотя он и так был включён.

Теперь звонок состоялся.

Глеб первым начал плакать — резко, почти зло. Уткнулся лицом в Янино плечо и несколько раз повторил: «Я думал, он вернётся». Лёша попытался обнять его, Глеб оттолкнул. Олеся придвинулась ближе, и через минуту плакали уже все трое.

Яна обнимала их и не понимала, откуда брать для этого тело. Руки двигались сами: погладить Глеба по волосам, коснуться Лёшиного плеча, притянуть Олеся ближе.

— Я вас люблю, — сказала она.

Она говорила им это всегда. Перед школой, в машине, когда кто-то приносил кофе, просто мимоходом. Сейчас фраза прозвучала так же, как раньше, и совсем иначе.

— Я тоже, — ответил Лёша первым.

Глеб не сказал, только сильнее прижался. Олеся кивнула.

Дальше начинался день, который Яна потом почти не могла вспоминать и не хотела восстанавливать по частям.

Нужно было позвонить. Ответить. Сказать одно и то же нескольким людям. Найти документы. Услышать собственный голос, который почему-то продолжал звучать ровно.

Мать Марата жила очень далеко. Ей было уже тяжело ездить даже по своему городу, и разговора о том, что она сейчас соберётся и приедет, не возникло. Она плакала в трубку, спрашивала, точно ли врачи ничего не могли сделать, повторяла имя сына. Яна отвечала. Обещала сообщить о похоронах, хотя уже понимала: приехать женщина не сможет.

В какой-то момент телефон разрядился прямо в руке. Лёша принёс зарядку и подключил, не спрашивая. Олеся поставила чайник. Глеб сидел на полу рядом с Норой и слушал последнее голосовое Марата: тот буднично говорил, что стоит у входа и можно выходить.

— Не удалять, — сказал Глеб.

— Никто не удалит.

Яна не знала, кому именно ответила — сыну или себе.

За окном начинался обычный февральский день. Во дворе хлопнула дверь, прошёл сосед, завелась машина. Мир не остановился даже на минуту.

Глава 2. После похорон

— Я тебя понимаю, — говорили Яне после похорон.

Люди произносили это искренне. Кто-то потерял отца, кто-то мать, кто-то мужа после долгой болезни. Они рассказывали, как не могли войти в пустую квартиру, как первый раз забывали и набирали номер умершего, как годами вздрагивали от знакомого запаха.

Яна слушала и кивала.

В те дни ей казалось, что спорить с добрыми людьми особенно жестоко. Они приносили то, что могли: собственный опыт, несколько правильных слов, обещание быть рядом. Просто ни один опыт не помещался внутрь другого целиком.

Никто не мог знать, что именно исчезло вместе с Маратом из её квартиры, из расписания детей, из машины, из уже придуманной старости.

Похороны нужно было организовать быстро.

Яна выбирала не потому, что была готова выбирать. Ей показывали варианты, называли цены, объясняли разницу между тканью, деревом, залом, машиной. Она считала автоматически. Суммы сразу раскладывались на продукты, бензин, лекарства, месяцы работы.

Самый дешёвый гроб она выбрать не смогла.

Понимала, что Марату уже всё равно. Понимала, что впереди дети, долги и жизнь, которую теперь придётся оплачивать одной. Всё равно не смогла в последний раз сделать для него что-то, что сама считала плохим.

Выбрала дороже, чем могла себе позволить, и не почувствовала ни правильности, ни облегчения. Только страх перед итоговой суммой.

Фотографию дети искали вместе. Открыли семейные папки на большом Янинном мониторе — компьютер с двумя экранами стоял в маленькой комнате рядом с кроватью. Марат у дороги. Марат с Норой. Марат на море. Марат у новогодней ёлки.

На каждом снимке находилось что-то не то.

— Здесь он усталый, — сказала Олеся.

— Здесь свет плохой, — возразил Глеб.

— Он здесь нормальный, — сказал Лёша.

— Для похоронной фотографии человек должен быть нормальным? — спросил Глеб.

Никто не ответил.

Яна выбрала кадр, где Марат стоял возле машины в тёмной куртке. Она помнила тот день: попросила остановиться из-за света, он сначала торопился, потом сам встал к обочине и сделал серьёзное лицо. На следующей фотографии уже смеялся.

— Этот, — сказала Яна.

Глеб долго смотрел на экран.

— Красивый.

Двое Яниных коллег пришли на похороны. Не пытались занять место родственников, не просили её разговаривать. Просто стояли чуть в стороне. После церемонии Павел помог с машиной и отвёз часть вещей, когда стало понятно, что Яна уже не различает пакеты и адреса.

Мать Марата не приехала. Ей было слишком далеко и слишком тяжело. Она звонила до церемонии и после, плакала, просила передать сыну то, что уже нельзя было передать. Яна не злилась. Дорога действительно была для неё невозможной.

На похоронах рядом с Яной была её мама.

Галина Петровна держалась до кафе. Потом села, посмотрела на пустое место за столом и заплакала так, словно потеряла собственного сына.

— Лучший зять был, — повторяла она. — Он бы сейчас всё организовал. Он бы всех рассадил, пошутил. Как же ты теперь?

Яна гладила мать по руке.

— Мам, выпей воды.

— Я за тебя переживаю.

— Я знаю.

Через несколько минут Галина Петровна снова говорила о Марате, и Яна снова успокаивала её. В тот день у каждого было право на горе. Только Янино почему-то всё время откладывалось до момента, когда другим станет немного легче.

В кафе вспоминали Марата живым. Как он приезжал ночью помочь с переездом. Как перепутал подъезды и ещё десять минут доказывал, что нужная квартира находится не там. Как умел войти в незнакомую компанию и через полчаса уже травил байки так, будто знал всех много лет.

Люди смеялись осторожно, потом громче.

Яна тоже.

Глеб почти не ел. Держал телефон возле тарелки, несколько раз открывал их переписку с отцом и снова гасил экран. Лёша молча подвинул к нему хлеб, получил сердитый взгляд и убрал руку. Олеся налила братьям воды, хотя сама к стакану не притронулась.

Когда очередной человек сказал, что Марат наверняка не хотел бы видеть их грустными, Глеб резко встал и вышел в коридор. Лёша поднялся следом. Яна уже хотела идти за ними, но Олеся удержала её ладонь.

— Они сейчас поругаются, — сказала Яна.

— Пусть. Это они умеют без нас.

Через несколько минут оба вернулись. Глеб сел дальше от брата, зато взял тот кусок хлеба, который прежде отодвинул.

Хорошее было правдой. Он действительно был душой компании, любил детей, ездил с ними, мог сорваться в дорогу, если ей хотелось увидеть другой город. Его смерть не превращала прожитое в ложь.

И всё же никто из сидевших за столом не знал всей их жизни. Яна сама ещё не могла на неё смотреть.

После кафе люди спрашивали:

— Что тебе нужно?

Она не знала.

Чтобы кто-то привёз еду? Забрал детей? Сел рядом и молчал? Ушёл и не заставлял отвечать? Чтобы Марат открыл дверь своими ключами и вся неделя оказалась ошибкой?

— Ничего. Спасибо.

Люди, наверное, понимали, что это не совсем правда. Но им было страшно прийти без приглашения, нарушить границу, сказать не то. Они спрашивали. Яна отказывалась. Круг замыкался.

Дома их ждала очень маленькая квартира.

Комнат было две. Большая — проходная — принадлежала детям сразу всем: кровати, столы, Олесин старый ноутбук, Лёшины вещи, Глебовы альбомы и Нора, способная одним телом закрыть дорогу на кухню. Маленькая комната была Яниной. Там стояли кровать, шкаф и рабочий стол с двумя мониторами.

Кухня занимала четыре квадратных метра. Стол в неё не помещался. Только плита, узкая столешница, холодильник и шкафы. Ели кто где: на кроватях, за рабочими столами, иногда стоя.

После похорон никто из гостей к ним не поехал. И Яна никого не пригласила. В квартире всё равно негде было бы снять пальто и сесть.

Они вернулись вчетвером.

Уличную обувь сняли у двери. Пакеты из кафе поставили в проходной комнате. Глеб сразу ушёл в ванную, Лёша начал разбирать контейнеры, Олеся открыла окно. Нора обошла детей и остановилась возле Яны, прижалась тяжёлым боком к её ноге.

— Я дома, — сказала Яна собаке.

Нора не отошла.

Вечером дети спорили о мелочах. Кто будет гулять с собакой. Где лежит зарядка. Чья кружка стоит на подоконнике. Жизнь не стала торжественно тихой только потому, что в ней умер человек.

Перед сном они по очереди заходили к Яне.

— Люблю тебя, — сказала она Лёше.

— Я тоже.

Олеся обняла её молча. Глеб лёг поверх одеяла, положил голову рядом.

— Я тебя люблю, — повторила Яна.

— Знаю, — ответил он и всё-таки придвинулся ближе.

Когда дети ушли, Нора легла поперёк двери.

Яна осталась на кровати одна. Сторона Марата была смята, возле подушки лежала его зарядка. Она выключила свет, но темнота не изменила размеров комнаты.

Потеря не выглядела дверью, которую можно закрыть после похорон. Скорее местом, в котором Яна уже находилась и пока не видела выхода.

Глава 3. Через месяц

За месяц до смерти Марата Яна уволилась.

Это был второй раз за семейную жизнь, когда она разрешила себе не работать. Первый случился много лет назад, когда дети были маленькими. Марат тогда тоже сказал, что справится. Через несколько недель в доме не оказалось денег на хлеб. Крупа и макароны были, детей можно было накормить, но обычную буханку купить было не на что. Яна нашла работу и больше почти не проверяла, выдержит ли семья без её дохода.

В конце января она спросила Марата прямо:

— Ты точно сможешь нас обеспечить?

— Смогу.

Она уточнила ещё раз. Он обиделся.

— Ты мне совсем не веришь?

Яна хотела верить. Уволилась, закрыла рабочие чаты и первые несколько дней не знала, куда девать руки. Марат стал чаще ездить в такси. Возвращался поздно, жаловался на спину и пробки. Яна давала ему спать утром, просила детей не шуметь, старалась меньше включать свет в комнате.

В конце февраля он умер.

Никто не сказал Яне, что это произошло из-за работы. Но она снова и снова считала дни: в конце января уволилась, Марат взял больше смен, в конце февраля умер.

Если бы не уволилась. Если бы не поверила. Если бы раньше снова взяла всё на себя.

Через несколько дней после похорон она начала искать работу. Села за рабочий стол рядом с кроватью, включила оба монитора и открыла вакансии. Ничего запретного в столе, клавиатуре и проводах не было. Марат спал рядом, пока Яна работала, приносил сюда кофе, оставлял зарядку у подушки. Теперь на его половине кровати лежали распечатки и банковские письма.

Сначала пришлось ответить не работодателям, а банкам. Даты и суммы Яна знала. Квартира, машина, кредиты — всё ещё при жизни Марата оформили на неё. В каждом разговоре сотрудник просил подтвердить личность и называл сумму следующего платежа так, будто в её жизни ничего не изменилось.

— Я не прошу списать долг, — говорила Яна. — Мне нужно перенести дату.

— Система не даёт.

— Тогда соедините с человеком, у которого даёт.

Её переключали, музыка обрывалась на половине фразы, новый голос снова просил назвать причину обращения. На третьем круге Глеб заглянул в комнату.

— Тебя там держат в заложниках?

Яна закрыла микрофон ладонью.

— Почти. Чай поставь.

— Ты будешь?

— Когда-нибудь.

Он включил чайник на кухне и через минуту крикнул, что кружек нет. Лёша ответил, что они на столе у Олеси. Олеся из проходной комнаты сказала, что кружки вообще-то общие и в её конспектах никто не должен ничего ставить. Пока дети выясняли принадлежность посуды, сотрудник банка вернулся с ответом: изменить дату нельзя.

Яна поблагодарила, закончила звонок и внесла платёж в таблицу. Красным. Рядом были похороны, продукты, бензин, лекарства, художественная школа. Она передвинула две строки, одну уменьшила, открыла сайт с вакансиями.

Вечером Олеся принесла с учёбы тяжёлый пакет с материалами. Обычно дочь добиралась сама и считала долгую дорогу обычной частью дня. Сейчас сняла обувь, поставила пакет прямо в проходе и села рядом с ним.

— В следующий раз заberi меня, пожалуйста. Я руку оттянула.

— Напиши заранее.

— Я написала.

Яна посмотрела телефон. Сообщение действительно было: среди звонков, уведомлений банка и соболезнований.

— Не увидела.

— Я поняла. Ничего.

Это «ничего» прозвучало хуже претензии. Яна хотела объяснить, сколько всего не увидела за день, но дочь уже подняла пакет и стала протискиваться между Норой и Лёшиной кроватью.

— Лесь, — позвала Яна. — В четверг заберу.

— В четверг я сама. В пятницу у меня длинный день.

— В пятницу.

— Я напомним.

Один раз Яна дошла до собеседования.

Женщина на экране попросила рассказать о последнем месте работы. Яна назвала проекты, команду, объём ответственности. На вопрос о причине увольнения ответила:

— Хотела сделать перерыв.

— И сейчас уже готовы вернуться в активный ритм?

В маленьком окошке собственного изображения за Яниным плечом была видна кровать. Компьютер стоял на своём месте, фон Яна не меняла.

— Да.

Слово прозвучало ровно. Тело ответило иначе: воздух вдруг перестал проходить. Яна сослалась на плохую связь, отключилась и закрыла окно видеозвонка.

Сергей написал ей ещё после похорон. Он был как раз тем руководителем, который мог поставить задачу одной строкой, а через пять минут прислать голосовое на три минуты, потому что в процессе понял: одной строкой всё-таки не получится. В последний рабочий день Яны он говорил, что не согласен с её увольнением, но удерживать не станет.

Теперь написал: «Место есть. Вернёшься — заберёшь».

Яна несколько дней не отвечала. Потом спросила: «Это рабочее предложение или ты меня жалеешь?»

Сергей позвонил почти сразу.

— Если бы жалел, прислал бы цветы. Работу я предлагаю, потому что ты умеешь работать.

— Очень нежно.

— Я старался. Ян, человеческий вопрос: ты вообще можешь сейчас?

— Нет.

— Хорошо. Рабочий: когда выйдешь?

Она впервые за несколько дней коротко рассмеялась.

Они договорились, что Яна выйдет в начале апреля — чуть больше чем через месяц после смерти Марата. Только из дома. Сначала — две задачи. Сергей назвал зарплату. Денег было меньше, чем требовалось семье, и гораздо больше, чем у Яны было сейчас.

— Я не буду делать вид, что ты стеклянная, — сказал он. — Но и твой любимый номер «дайте всё, я вывезу» мы пока отменяем.

— Это цензура профессионального самовыражения.

— Переживёшь.

В апреле Яна включила рабочий компьютер. Два монитора загорелись почти одновременно. На одном открылись чаты и почта, на втором — таблицы, макеты, презентации. Всё выглядело знакомым и принадлежало человеку, которым она была до смерти Марата.

Сергей прислал две задачи. Яна закончила обе до обеда.

«Давай следующую».

«Нет».

«Я закончила».

«Я вижу».

«И что мне делать?»

«Поесть. Это не должностная обязанность, но попробуй».

Сергей больше не спрашивал о еде в тот день. Через час вернул макет с резким комментарием к заголовку, ещё через десять минут прислал шутку про клиента. Яна ответила так же, как отвечала раньше, и снова открыла файл.

Первый день начался в восемь сорок. В девять был общий созвон, и Яна заранее открыла ссылку, проверила микрофон, убрала с кровати футболку Марата, которая попадала в кадр. Камеру всё равно не включила.

Коллеги входили по одному. Двое написали ей отдельные сообщения, что рады возвращению. Девушка из дизайна поставила сердце. Остальные поздоровались обычным голосом. Сергей не произнёс вступительной речи.

— Яна забирает два блока, которые указаны в плане. Всё остальное пока не трогаем, — сказал он.

— А если вопрос по старому проекту? — спросил Павел.

— Сначала ко мне.

— Я могу ответить, — сказала Яна.

— Я знаю. Поэтому и уточняю.

Кто-то тихо рассмеялся. Через десять минут обсуждали сроки и макеты. Яна слушала, отмечала номера слайдов и отвечала про структуру презентации. За весь созвон никто не произнёс имени Марата.

До обеда она сделала задачи. Потом сама нашла в чате вопрос по старому проекту и ответила. Сергей прислал в личку знак вопроса.

«Там минута».

«У тебя все катастрофы занимают минуту».

Яна закрыла чат на несколько минут. Открыла снова.

В три позвонила мать Марата. Яна сбросила и написала, что перезвонит после работы. Слово «работа» выглядело оправданием, которым она пользовалась всю жизнь. Через минуту стало стыдно. Она перезвонила сразу.

Мать Марата плакала, потому что нашла его школьную фотографию. Просила сказать, где дети, что они делают, почему Олеся не ответила утром. Яна слушала, смотрела на мигающий рабочий чат и отвечала, что все справляются.

После разговора не могла вспомнить, на каком слайде остановилась. Прочитала комментарий три раза. Написала дизайнеру слишком резкое «переделать», стёрла, сформулировала нормально.

В шесть Сергей спросил, закончила ли она.

«Да».

«Тогда выйди из чатов».

«Я дома».

«Из рабочих, Ян».

Яна поставила статус «не в сети» и выключила правый монитор. Потом левый. В комнате сразу стало темнее. Она увидела кровать, футболку на стуле и пустое место, где раньше сидел Марат.

Яна дошла до ванной, закрыла дверь и села на край ванны. Плакать начала без отдельной мысли. Тело будто ждало, когда закончится рабочее время.

Через дверь постучал Глеб.

— Мам, ты там долго?

— Да.

— Мне надо руки помыть.

— На кухне помой.

— Там Лёша посуду поставил и не моет.

— Я мою! — крикнул Лёша из комнаты.

— Ты замочил!

Яна засмеялась сквозь слёзы. В квартире по-прежнему нельзя было переживать что-либо без очереди в ванную.

Она умылась, вышла и съела холодные макароны прямо за компьютером, хотя мониторы больше не включала.

К вечеру Лёша поставил перед клавиатурой тарелку.

— Поешь.

— Я ела.

— Кофе не считается.

— Знаю.

— Каждый раз говоришь, что знаешь, и продолжаешь считать.

За доставкой обычно спускались мальчики. Кухня в четыре квадратных метра не располагала к долгим бытовым ритуалам, а любое лишнее движение отнимало силы. Яна умела приготовить, убрать, вынести мусор, забрать заказ. Если можно было не вставать, она не вставала.

В тот день она попросила Глеба принести зарядку из проходной комнаты.

— Не принесу, — ответил он, не отрываясь от рисунка.

— Принесёшь. Ты же меня любишь.

— Это шантаж.

Лёша выглянул из-за двери.

— Ты путаешь определения. Это не шантаж, а манипуляция. И мама в этом профи.

— Спасибо за профессиональное признание, — сказала Яна.

— Я всё равно не принесу, — сообщил Глеб.

Через минуту зарядка легла на стол.

— Люблю тебя.

— Вот опять, — сказал он, но улыбнулся.

В пятницу Олеся напомнила о себе в половине шестого. За окном лил апрельский дождь, вода стекала по стеклу сплошной серой плёнкой. Дочь прислала фотографию длинного тубуса, сумки и ещё одного пакета, который ей отдали после занятия, а потом коротко спросила, сможет ли мама подъехать.

Яна в это время говорила с Сергеем. Клиент поменял два абзаца и вместе с ними разрушил структуру всей презентации.

— Подожди, — сказала Яна, не выключая микрофон, и набрала дочери: «Буду. Встану во втором ряду. Напиши, когда выйдешь».

— Что у тебя? — спросил Сергей.

— Олеся забрать.

— Тогда езжай.

— Мы не закончили.

— Я вижу. Договорим по дороге голосом.

— За рулём я не буду разбирать слайды.

— Какая внезапная разумность.

Яна сохранила файл, нашла зонт, который лежал под Норой, и попросила Лёшу проверить, есть ли в машине место сзади. Тот вышел под дождь без куртки, вернулся мокрый и сообщил, что багажник забит пакетами после похорон.

— Какими пакетами?

— Которые Павел привёз. Там ленты, какая-то ткань и ещё что-то.

Яна забыла о них. Пришлось всем вместе спускаться со второго этажа. Глеб держал входную дверь, Лёша переносил пакеты, Нора вертелась рядом. Как только дверь открылась шире, собака шагнула в тихий двор и сразу побежала к Яниной машине.

— Даже не думай, — сказала Яна.

Нора поставила передние лапы на порог открытой двери и оглянулась. Дождь собирался на серой шерсти. Лёша схватил её за ошейник.

— Домой. Мама вернётся.

Собака упиралась так, что он проехал подошвами по мокрому асфальту. Яна подошла, сняла Норины лапы с машины и развернула морду к дому.

— Я за Олесей. Ты остаёшься с мальчиками.

Нора облизнула ей руку и позволила увести себя, но до самой двери оглядывалась.

У университета машин было столько, что встать нормально не получилось. Яна остановилась вторым рядом, включила аварийку и написала дочери. Сергей прислал сообщение с вопросом по третьему слайду. Яна открыла его, начала отвечать и услышала стук в стекло.

Олеся стояла под дождём, прижав тубус к плечу. Волосы прилипли к лицу. Яна отперла двери.

— Открывай багажник!

Яна нажала кнопку. Олеся уложила в багажник тубус, сумку и пакет.

Пока Олеся закрывала багажник, сзади посигналили. Она поспешно села на заднее сиденье, вытерла лицо рукавом и сказала:

— Я поэтому просила забрать.

— Я приехала.

— Я не жалею. Я объясняю вид человека.

Она сняла мокрые кроссовки, подтянула ноги на сиденье и достала из сумки контейнер.

— Я тебе еду взяла. В столовой оставалось.

— Ты сама ела?

— Да. Не начинай.

На светофоре Яна посмотрела в контейнер: гречка, котлета, два кружка огурца. Крышку закрыла и поставила между сиденьями.

— Спасибо.

— Ты в голосовом говорила так, будто снова не ела.

— Я Сергею говорила.

— На громкой связи. Я всё слышала, пока стучала.

Телефон снова зажёгся. Олеся взяла его с панели и прочитала вопрос.

— Что ему ответить?

— Ничего. Пусть ждёт.

— Запишем этот исторический момент?

Яна рассмеялась и выехала со стоянки. Дома дочь сама вытерла тубус, разложила материалы поверх своей кровати и ушла в душ. Никакой благодарственной речи за поездку не было. Яна доела холодную гречку за компьютером и вернулась к слайдам.

Сергей позвонил через пять минут.

— Доехала?

— Да.

— Теперь рабочая часть. Клиент просит вернуть старую структуру.

— Я сейчас его полюблю.

— В очередь. Мы все уже там.

Они закончили к восьми. Сергей принял файл и попросил убрать один комментарий. Яна написала, что вернёт пропущенный час вечером.

«Не считай. Файл готов».

И следом: «У клиента точно откроется?»

«Обижаешь».

Ночью Яна легла в свою кровать, поставила телефон на зарядку со стороны Марата и вспомнила контейнер на полу машины. Олеся уже спала. Будить её Яна не стала. Написала себе напоминание на утро, повернулась к стене и почти сразу уснула.

В первые рабочие недели Сергей не позволял Яне вытаскивать из общих чатов всё, что она могла решить быстрее других. Когда она вмешивалась в чужую задачу, писал в личку: «Выйди оттуда». Яна отвечала: «Там люди страдают». Сергей: «Пусть сформулируют запрос».

К маю к двум задачам добавились презентация, запуск и новый клиент, который не понимал, чего хочет. Яна снова держала в голове несколько проектов и отвечала двумя предложениями там, где команда полчаса описывала проблему. Сергей всё ещё иногда говорил «не бери», но уже мог через десять минут прислать: «Если одним глазом посмотришь, быстрее будет».

Однажды курьер оставил дверь квартиры открытой. Нора протиснулась мимо него на площадку и побежала вниз. Глеб закричал, Лёша бросился следом. Яна, тяжело спускаясь за ними со второго этажа, успела представить дорогу и чужих собак, хотя Нора знала в этом дворе каждый угол.

Нору нашли возле машины. Во дворе никого не было. Она стояла у водительской двери, смотрела на вход в дом и переступала передними лапами. Увидев Яну, бросилась к ней, потом снова к машине и ткнулась носом в ручку.

— Она не убегала, — запыхавшись, сказал Лёша. — Она к тебе собиралась.

Яна открыла водительскую дверь. Нора сразу забралась в ноги, прижалась к Яниным коленям и поставила на них передние лапы, загородив зеркало. Лёша открыл багажный отсек и вместе с Глебом уговорил её перебраться назад.

— Домой, — сказала Яна.

Пришлось проехать круг вокруг квартала. Только после этого собака согласилась выйти и вернуться в квартиру.

После работы Яна открыла на правом мониторе таблицу с уже знакомыми долгами. Красным отметила срочные платежи, жёлтым — те, которые можно сдвинуть, серым — регулярные расходы. Отдельно внесла похороны. Общая сумма не уменьшилась, зато теперь у каждой части были дата и порядок.

Первая выплата пришла в пятницу. Яна увидела уведомление во время созвона и не сразу поняла, почему сумма знакомая. Сергей продолжал обсуждать сроки, дизайнер показывал варианты, кто-то забыл выключить микрофон и стучал ложкой о чашку. Яна открыла банковское приложение на телефоне под столом.

Денег хватало закрыть один срочный платёж и купить продукты. Не хватало на всё, что она уже перенесла.

— Ян, ты с нами? — спросил Сергей.

— Да. Второй вариант лучше, заголовок надо короче.

— А глазами ты где?

— Зарплату получила.

В общем звонке стало тихо на секунду. Сергей сказал:

— Тогда пять минут перерыв. Все поражаются отдельно.

Коллеги отключились. Яна сразу внесла платёж. Потом перевела деньги матери, хотя собиралась подождать до понедельника. Остаток разделила между продуктами, бензином и аптекой. На себя отдельной строки не было.

Олеся вошла с ноутбуком под мышкой. Провод тянулся за ней до двери и выпал из разъёма. Экран погас.

— Только не это, — сказала дочь.

— Не сохранила?

— Минут десять.

Они снова подключили зарядку. Ноутбук запустился медленно, файл восстановился не целиком. Олеся выругалась, потом увидела открытое банковское приложение.

— Зарплата?

— Да.

— Можно заказать продукты? Я список соберу.

Яна отдала ей телефон. Дочь села на край кровати, выбрала молоко, крупу, мясо, убрала дорогой сыр. Глеб из проходной просил хлопья, Лёша — средство для машины. Они добавляли и удаляли товары, пока сумма не перестала расти.

— Себе что-нибудь, — сказала Олеся.

— Кофе есть.

— Это семье. Себе.

Яна пролистала каталог и добавила крем для рук, самый обычный. Через минуту удалила. Олеся вернула его и оформила заказ раньше, чем мать успела возразить.

Вечером мальчики спустились к курьеру. Нора легла у пакетов и не позволяла разбирать, пока Яна не подошла. Крем оказался маленьким, почти смешным рядом с крупой и стиральным порошком. Яна поставила его возле монитора и до ночи ни разу не открыла.

Ночью, когда дети засыпали и Нора укладывалась у двери, Яна сидела между двумя мониторами. В проходной комнате кто-то переворачивался на кровати, на кухне гудел холодильник. В половине первого пришло уведомление о завтрашнем платеже. Яна открыла таблицу, перенесла оплату интернета на пятницу и поставила будильник, чтобы утром позвонить в банк.

Глава 4. Сорок дней

Сороковой день пришёл ещё в апреле, когда работа только начинала снова занимать Янины дни. Сначала они поехали на кладбище.

Накануне Яна до полуночи уточняла список гостей для кафе. Один человек отвечал «постараюсь», другой спрашивал, можно ли прийти с женой, третья родственница хотела знать точное меню. Администратор просила назвать окончательное количество до десяти вечера.

— Напиши всем, что сегодня последний срок, — сказала Олеся.

— Люди не проект.

— Тогда почему у них дедлайн?

Яна отправила короткое сообщение каждому. Глеб сидел на полу и подписывал открытку для могилы, хотя никто его не просил. Лёша проверял воду и перчатки. Нора несколько раз прошла по разложенным пакетам, пока её не отправили на подстилку.

Телефон зазвонил. Мать Марата хотела добавить ещё двоих знакомых сына.

— Я их не знаю, — сказала Яна.

— Они его знали.

— Пусть приходят. Как зовут?

Женщина называла имена, потом начала вспоминать, как один из них играл с Маратом в детстве. Яна слушала и одновременно считала дополнительные места. Олеся увидела выражение её лица, взяла лист и сама переписала число.

— Денег хватит? — тихо спросил Лёша.

— Хватит.

— Ты точно посчитала?

— Я всегда считаю.

Он кивнул, но через минуту предложил убрать из заказа горячее для детей. Яна отказалась. Глеб услышал и заявил, что вообще не будет есть. Олеся велела всем прекратить экономить на одной тарелке.

— Мы всё равно половину не съедим, — сказал Лёша.

— Тогда заберём домой, — ответила Яна.

После звонка мать Марата прислала ещё одно имя. Яна позвонила в кафе и увеличила число гостей. Администратор спокойно сказала, что два места добавят, но попросила больше не менять.

— Очень понимаю, — ответила Яна.

Перед сном она проверила сумму на карте. До следующей выплаты оставалось несколько дней. Пришлось перенести оплату одного счёта и написать себе напоминание. Потом Яна легла в свою кровать и ещё долго слышала, как в проходной дети спорят, кто утром сядет впереди.

В семь Олеся сама поставила чайник. Глеб не мог найти подписанную открытку: Нора утащила её под стол и помяла угол. Он хотел переделать, Яна разгладила картон ладонью и сказала, что так поедет. Лёша вынес пакеты к двери. Уличную обувь все надели уже в прихожей, толкаясь на одном коврике.

Утро выдалось холодным. Апрельская земля ещё не просохла; колёса тележки с цветами, которую кто-то тащил по соседней дорожке, вязли в грязи. Яна заранее сложила в багажник перчатки, тряпки, воду, небольшой веник и свежие цветы. Лёша сказал, что воды мало. Олеся ответила, что там есть колонка. Глеб спросил, почему нельзя просто купить ещё одну бутылку по дороге. За пять минут они успели поспорить о том, кто именно ничего не предусмотрел.

— Мы ещё не доехали, — сказала Яна. — Вы уже устали быть семьёй?

— Я не устал, — ответил Глеб. — Я возражаю против обвинения без доказательств.

— Ты десять минут обвиняешь всех с доказательствами из головы, — сказал Лёша.

Олеся прибавила музыку, хотя до кладбища оставалось меньше километра.

Яна не любила кладбища. Не боялась мёртвых, не считала место страшным, просто никогда не чувствовала там близости. Марат не становился ближе рядом с камнем и влажной землёй. Гораздо сильнее он присутствовал в машине, когда навигатор предлагал странный поворот, или в магазине возле упаковки пирожных, которые покупал ей годами.

Но детям нужно было приезжать. И могила требовала обычной работы: убрать прошлые цветы, протереть фотографию, собрать мусор, поправить землю. Это Яна понимала.

Лёша пошёл за водой. Олеся размотала ленту на венке. Глеб стоял, засунув руки в карманы.

— Возьми веник, — сказала Яна.

— Там грязно.

— Именно поэтому он нужен.

— Я в новых кроссовках.

— Папа оценил бы уважительную причину, — сказала Олеся.

Глеб посмотрел на неё, хотел огрызнуться, потом всё-таки взял веник. Через минуту грязь оказалась и на кроссовках, и на джинсах, а сухие листья летели в обратную сторону из-за ветра.

Никто не говорил с Маратом вслух. Яна не знала, нужно ли. Она поправила цветы, проверила, ровно ли стоит фотография, и подумала о том, что дома не отправила Сергею один файл. Мысль показалась неуместной только на секунду. Потом стала обычной. Мозг продолжал жить там, где были сроки.

На обратном пути Глеб вспомнил, как Марат однажды обещал короткую дорогу и вывел их к закрытому мосту. Лёша поправил: не один раз, а два. Олеся сказала, что во второй раз отец ехал туда нарочно, потому что рядом продавалось мороженое. Они спорили до самого дома.

К обеду они приехали в кафе. То же самое, где были после похорон, Яна бронировать не захотела: там она слишком хорошо помнила расстановку тарелок и пустой стул за столом. Нашла другое, небольшое, с отдельным залом и обычной едой. Утром администратор позволила уточнить количество людей. Яна назвала число, посмотрела на список и тут же исправила: один человек написал ночью, что заболел.

В кафе уже стояли тарелки с закусками. На одной салфетке осталось пятно, Яна заметила его сразу и заставила себя не звать официанта. Олеся раскладывала карточки с именами, которые сама предложила сделать, потом сказала, что это глупо, и собрала обратно. Лёша помогал передвигать стулья. Глеб сел у стены и снял новые кроссовки, чтобы проверить грязь на подошве.

— Надень, пожалуйста, — сказала Яна.

— Я никому не мешаю.

— Глеб.

— Они чистые.

Олеся молча поставила перед ним салфетку. Он вытер подошвы, обулся и спрятал салфетку под тарелку.

Люди приходили по одному и небольшими компаниями, отдавали цветы Яне, хотя цветы предназначались Марату, спрашивали, куда садиться. В отдельном зале было достаточно места, но все сначала сбились у двери. Яна показывала столы, принимала пакеты, повторяла, что верхнюю одежду можно оставить в гардеробе.

— Мам, сядь, — сказала Олеся.

— Сейчас.

— Ты уже десять минут «сейчас».

— Я встречаю людей.

— Они найдут стулья.

Яна всё-таки села. Через минуту поднялась, потому что официант спросил про горячее. Сначала говорили тихо. Потом Саша, давний друг Марата, тоже вспомнил закрытый мост. История быстро обросла подробностями. По версии Саши, Марат ещё десять минут спорил с навигатором и объявил второй круг частью экскурсии.

— Вот был бы он здесь, — сказал Саша. — Сам бы рассказал лучше всех.

Люди засмеялись. Яна тоже.

Яна слушала Сашу и вспоминала, как Марат входил в незнакомую компанию и через полчаса уже знал, кто с кем поссорился и кому нужна помощь. Он был рядом на родах, вставал к детям, гулял с Норой, мог за десять минут собрать вещи и согласиться ехать в другой город только потому, что Яне хотелось дороги.

На фотографиях Марат почти всегда улыбался — смуглый, с чёрными волосами и очень тёмными глазами, всего немного выше Яны. Таким его и помнили за столом. Яна не спорила: всё хорошее было правдой. Остальное пока не помещалось в этот день и не принадлежало никому, кроме неё.

Когда гости начали расходиться, Галина Петровна задержала Яну у гардероба и плакала, прижимая к груди сумку.

— Он был мне как сын. Даже лучше, если честно. Андрей родной, но его пока попросишь. А Маратик всегда приезжал. Лучший зять. Как же ты теперь?

— Как-нибудь.

— Ты сильная.

Мама произнесла это как утешение. Яна услышала назначение.

Галина Петровна жила скромно. Яна регулярно переводила ей деньги и не считала это помощью — просто ещё одной строкой. После смерти Марата строка не исчезла. Мама могла плакать по зятю, переживать за дочь и одновременно сказать возле кафе, что лекарства заканчиваются.

Яна открыла банковское приложение.

— Я перевела.

— Тебе самой сейчас надо.

— Мам.

— Хорошо. Спасибо. Марат бы меня не бросил.

Яна убрала телефон. Спорить было поздно и слишком тяжело.

Домой никто из гостей не поехал. Яна закрыла дверь за Галиной Петровной вниз, дети загрузили в машину цветы и два контейнера из кафе, и они вернулись вчетвером. Нора встретила их у порога, обошла всех, задержалась возле Яны и загородила проход тяжёлым боком.

В квартире Глеб нашёл ложку в цветочном горшке и объявил её символом бессмысленности бытия. Лёша сказал, что это он сам туда положил, когда освобождал подоконник. Олеся открыла окно. Нора подошла к Яне и положила морду ей на колени.

— Люблю тебя, — сказала Яна собаке.

— А нам? — спросил Глеб.

— Вас тоже.

— Хорошо. А то Нору ты любишь первой.

Лёша, проходя мимо, коснулся её плеча.

Контейнеры из кафе не помещались в холодильник. На верхней полке стояли банки, на нижней — молоко и кастрюля, дверца упиралась в пластиковую крышку. Лёша предложил выбросить салаты сразу. Глеб возмутился, что за них заплачено. Олеся сказала, что именно поэтому их надо съесть, и поставила один контейнер на подоконник остывать.

— Там солнце, — заметил Лёша.

— Уже нет.

— Было десять минут назад.

— Прекрасно. Значит, салат получил витамин D.

Яна попросила оставить в холодильнике только то, что съедят завтра. Дети открывали крышки, нюхали, спорили о рыбе, переставляли банки. Нора сидела у кухни и следила за каждой вилкой. Когда Глеб попытался пройти с полной тарелкой, собака не подвинулась.

— Уважаемая, это коридор.

Нора положила морду на лапы.

— Она считает, что ты объедешь, — сказал Лёша.

Глеб поднял тарелку над головой и протиснулся боком. Соус капнул на пол.

— Я всё уберу.

— Ты сначала донеси, — сказала Яна.

Телефон зазвонил. Мать Марата хотела знать, хорошо ли всё прошло, кто пришёл, что говорили и как держались дети. Потом попросила прислать фотографии с кладбища.

— Сегодня не буду, — сказала Яна.

— Я только посмотреть.

— Завтра.

— Мне спать теперь как?

Яна закрыла глаза. Рядом Глеб вытирал соус, Лёша указывал на пропущенное пятно, Олеся удерживала Нору за ошейник, чтобы та не помогала языком.

— Я пришлю одну, — сказала Яна.

Она выбрала кадр с цветами, на котором не было детей, отправила и положила телефон на кровать. Через минуту пришёл звонок, но Яна выключила звук.

— Бабушка? — спросила Олеся.

— Да.

— Я потом ей отвечу.

— Не обязана.

— Знаю.

Олеся забрала телефон, поставила рядом с собой и продолжила освобождать холодильник. Через несколько минут экран снова загорелся. Дочь посмотрела, но не взяла.

Они закончили ближе к ночи. Салаты распределили, половину хлеба убрали в морозилку, цветы поставили в ведро, потому что вазы не хватило. Яна нашла в сумке чек из кафе, разгладила на колене и сверила сумму с приложением. Получилось немного больше, чем она рассчитывала: добавили чай и контейнеры. Она перенесла очередной платёж на два дня позже и оставила в заметках вопрос Сергею о дате первой выплаты.

— Можно сегодня спать? — спросил Глеб.

— Тебе никто не запрещал.

— Вы всё ходите.

— Мы живём.

Он поморщился.

— Не говори сейчас красиво.

— Хорошо. Иди чистить зубы.

— Вот так нормально.

Глеб ушёл в ванную. Через минуту оттуда раздался крик, что кто-то забрал его полотенце. Лёша ответил, что оно висит на батарее. Олеся наконец взяла звонящий телефон и сказала бабушке, что мама сегодня больше говорить не будет.

Яна легла на кровать, не раздеваясь. Через открытую дверь видела, как дочь слушает, кивает и одновременно ногой отодвигает Нору от миски с салатом. Позже Олеся вернула телефон без комментариев и принесла зарядку.

— В семь меня будить? — спросила она.

— У тебя первая пара?

- Да. Я сама поеду.
- Поставь будильник.
- Уже.

Она выключила верхний свет. В проходной продолжали шептаться мальчики, холодильник дважды щёлкнул, Нора тяжело улеглась поперёк двери. На стуле остались пакеты из кафе, на подоконнике — чужие тарелки. Убирать их сегодня никто не стал.

В первые сорок дней каждый из детей возвращался к отцу по-своему.

Олеся после похорон продолжала жить дома. Переезжать она не собиралась: здесь лежали её книги, одежда и зарядки, здесь она знала, в какую щель поставить чашку, чтобы Нора не смахнула хвостом. До университета добиралась сама, иногда с двумя пересадками, и не считала это доказательством взрослости. Если начинался ливень или занятия заканчивались поздно, просила Яну забрать.

Однажды вечером она вернулась после длинного учебного дня, быстро сняла куртку и взяла с полки Маратову кружку.

- Зачем тебе? — спросил Лёша.
- Чай сделать.
- Возьми другую.
- Почему?
- Это папина.
- Я знаю, чья она.

Лёша встал между сестрой и кухней. Олеся держала кружку за ручку, он — за край. Яна из комнаты слышала только начало, потом керамика звякнула о шкаф.

- Отпустите оба, — сказала она.
- Она забирает, — сказал Лёша.
- Я живу здесь. Куда я её забираю?
- К себе.
- Моё «к себе» в трёх шагах от твоей кровати.

Глеб выглянул из-за двери ванной с зубной щёткой во рту.

- Предлагаю график наследования кружки.
- Закройся, — одновременно сказали старшие.

Яна забрала кружку у обоих и поставила на столешницу.

- Олеся пьёт чай. Потом кружка возвращается на полку. Лёша не охраняет посуду. Всё.

Дочь поставила чайник. Лёша сел на свою кровать, сердито листая телефон. Пока вода грелась, Олеся достала две кружки: Маратову и обычную синюю. В синюю налила чай брату и поставила рядом, не спрашивая. Лёша сделал вид, что не заметил. Через пять минут пил.

На следующей неделе Яна ждала Олеся у университета почти сорок минут. Дочь написала, что выйдет в восемь, но преподаватель задержал группу. Машину удалось поставить только вторым рядом. Яна отправила: «Я у ворот, аварийка». Потом передумала, переставила дальше, написала новый ориентир и открыла на телефоне рабочий файл.

В половине девятого Олеся вышла с двумя девушками. Все трое смеялись, хотя у каждой были тяжёлые сумки и одинаково усталые лица. Дочь подошла к машине, открыла заднюю дверь и спросила:

- Подвезём их до остановки?
- Садитесь.
- Нам в другую сторону, — предупредила одна девушка.
- До остановки доедем в любую.

Они уложили сумки на колени, всю дорогу обсуждали преподавателя и странное задание. Яна не понимала половины слов, зато знала тон: люди устали и теперь спасались насмешками. Высадив девушек, она спросила:

— Ты ела?

— Я не Глеб.

— Это не ответ.

— Батончик.

— Это тоже не ответ.

Олеся откинула голову на подголовник.

— Дома поем. Я поэтому и попросила забрать. Автобус бы сейчас не выдержала.

— А если бы я не могла?

— Поехала бы сама. Мам, я же не умерла без машины все эти годы.

На светофоре дочь добавила:

— Но с машиной лучше.

Дома она сама разогрела еду, поставила часть Яне возле клавиатуры и ушла раскладывать материалы. Пакет остался в проходе. Нора легла рядом, Глеб через него споткнулся и начал возмущаться. Олеся крикнула из комнаты, чтобы он смотрел под ноги. Через минуту они спорили, кому мешают вещи сильнее.

Яна ела, слушала их и правила файл. Никакой тишины в квартире не появилось. Иногда это утомляло до слёз. Иногда именно шум позволял не слышать, как за стеной не поворачивается ключ Марата.

Лёша почти каждый вечер возился с машиной. Проверял масло, слушал двигатель, протирал стекло, хотя оно было чистым. Однажды Яна вышла во двор и увидела, как он слишком сильно затягивает болт.

— Оставь, — сказала она. — Сорвёшь.

— Я знаю.

— Лёша.

Ключ соскользнул. Он ударился рукой и пнул колесо.

— Отлично! Теперь вообще всё отлично!

— Не ори.

— Я не на тебя.

— Я вижу.

Он отвернулся, вытер лицо рукавом и сказал:

— Только не продавай её, ладно?

— Не собираюсь.

— Даже если дорого.

Яна не стала обещать навсегда. Сказала:

— Сейчас не продаю.

Лёша кивнул и снова взял ключ, на этот раз осторожнее.

Глеб вернулся в школу через неделю после похорон и ушёл после второго урока. Позвонил Яне из маленького двора, хотя ключи лежали в кармане.

— Открой.

— Почему ты дома?

— Открой сначала.

Он вошёл злой, бросил рюкзак и сказал, что классная при всех спросила, как он держится. Одноклассники замолчали и смотрели. Потом один мальчик сказал, что у него тоже умер дедушка, и Глеб ударил его по руке.

— Сильно? — спросила Яна.

— Нет.

— Он что сделал?

— Ничего. Поэтому ещё хуже.

— Почему ты не позвонил мне из школы?

Глеб отвернулся.

— Я сначала папин чат открыл. По привычке. Он всегда забирал, если что-то случилось. Яна не стала говорить, что теперь надо звонить ей. Глеб и без неё это знал.

Глеб отказался возвращаться в школу на следующий день. Яна не заставила. Через день он пошёл сам и вечером два часа репетировал роль, громко, с прыжками и перестановкой стульев. Когда Лёша попросил говорить тише, Глеб закричал, что ему можно. Через минуту заперся в ванной.

Из ванной долго не было слышно воды. Потом кран открылся. Яна положила Глебову домашнюю футболку возле двери и не стала стучать второй раз.

В проходной Олеся собирала рюкзак, хотя до следующей пары оставалось полдня. Лёша снова крутил в руках ключ от машины. Яна подняла с пола пакет с грязными перчатками после кладбища и отнесла в ванную. Глеб приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы забрать футболку.

Глава 5. Туман

После сорока дней время снова стало обычным — по крайней мере, для всех календарей, кроме Яниного. В нём по-прежнему существовали работа, платежи, занятия детей, лекарства и дни, которые надо было как-то заканчивать. Сам год она потом вспоминала не по месяцам, а по отдельным вечерам, звонкам и вещам, случайно оставленным не на месте.

В мае мама звонила почти каждый день.

Галина Петровна начинала разговор с вопроса, как держится Яна, а через несколько минут переходила к своему давлению, деньгам и тому, что теперь делать без Марата.

— Мне так его не хватает, — говорила она. — Он всегда знал, что делать. Помнишь, как приехал ночью из-за трубы? Как же ты теперь одна?

Яна помнила трубу. Марат тогда приехал после смены, ругался на старый дом и всё починил. Деньги на материалы перевела Яна.

— Нормально, мам.

— Ты точно ешь?

— Да.

— А у меня давление опять. До пенсии, наверное, дотяну со старыми таблетками.

После разговора Яна отправляла деньги. Мама писала: «Не надо было», а следом: «Спасибо, доченька». В следующем месяце всё повторялось.

Однажды Галина Петровна попросила отвезти её в поликлинику. Запись была утром, автобус шёл неудобно, а после приёма нужно было зайти в аптеку.

— Ты же дома работаешь, — сказала мама.

— Именно. Работаю.

— Я быстро.

Яна посмотрела календарь. В это же время стоял командный звонок. Сергей согласился начать на час позже, но предупредил, что у него потом другая встреча.

— Я успею, — сказала Яна.

— Это твоя любимая неправда, — ответил он.

Утром Галина Петровна вышла к машине заранее. Села рядом, поправила сумку, сказала, что Марат всегда ставил машину у самой двери. Яна выехала из маленького двора и сделала музыку тише.

— Я тоже подъехала близко.

— Я не в укор. Вспомнила.

По дороге мама рассказывала про давление, соседку и цену лекарств. Потом спросила, спит ли Яна одна в их комнате.

— Там одна кровать, мам.

— Я имею в виду, может, с детьми.

— Дети спят у себя. Я — у себя.

— Как же тяжело.

На парковке свободных мест не было. Яна высадила мать у входа и уехала искать. Нашла место далеко, дошла медленно, поднялась. Галина Петровна уже сидела у кабинета и обиделась, что дочь задержалась.

— Я думала, ты уехала.

— Без тебя?

— Мало ли, работа.

Приём задержали почти на сорок минут. Яна отвечала с телефона, просила дизайнеров прислать новую версию, писала Сергею, что опоздает. Мама заглядывала в экран.

— Ты всё время работаешь.

— Сейчас рабочее время.

— Марат бы сказал отложить.

Яна убрала телефон в сумку.

— Марат сейчас не оплачивает счета.

Галина Петровна замолчала. Через минуту сказала, что дочь стала резкой. Яна хотела ответить, но открылась дверь кабинета и назвали фамилию матери.

После приёма они пошли в аптеку. Часть лекарств стоила дороже, чем мама рассчитывала. Яна оплатила разницу. Галина Петровна начала отказываться уже после того, как чек вышел.

— Вернёшь потом, — сказала Яна.

Обе знали, что не вернёт.

На обратном пути мама достала из сумки два бутерброда в фольге.

— Я тебе сделала. Ты же утром не ела.

— Откуда знаешь?

— Ты всегда не ешь, когда торопишься.

Яна взяла один на светофоре. Хлеб был слишком толстым, сыр тонким. Мама следила, пока она откусит.

— Спасибо.

— Марат любил с колбасой.

— Я знаю.

У дома Галина Петровна поцеловала дочь, сказала, что та у неё одна, и тут же напомнила про следующий приём. Яна пообещала посмотреть календарь.

На командный звонок она опоздала на двадцать минут. Сергей уже распределил вопросы. После созвона позвонил отдельно и спросил, всё ли нормально.

— Всё нормально?

— Да. Поликлиника, аптека, бутерброд.

— Последнее звучит оптимистично.

— Он был с сыром.

— Тогда почти праздник. Теперь рабочее: ты не успеваешь сегодня всё, что взяла.

Яна начала спорить. Сергей показал ей список из её же сообщений и снял одну задачу.

— Ненавижу, когда у тебя доказательства.

— Поэтому я их храню.

Они закончили разговор. Яна доела второй бутерброд холодным и написала матери, что лекарства надо принимать по схеме. Ответ пришёл сразу: «Хорошо, доченька. Ты тоже себя береги».

* * *

Лида жила на другом конце страны. До смерти Марата они знали друг друга по рабочим файлам и редким поздравлениям. Теперь Лида звонила без повода. Иногда Яна не отвечала, и тогда приходило короткое сообщение: «Я здесь. Можно ничего не писать».

Однажды Яна перезвонила после разговора с матерью Марата.

— Я полтора часа объясняла ей, что она не виновата, — сказала Яна. — Потом своей маме, что у меня всё нормально. Теперь надо идти работать.

— Мне не объясняй.

— Что?

— Что нормально.

Яна закрыла глаза.

— Не нормально.

— Знаю.

Они молчали. На другом конце звякнула чашка, открылась форточка, кто-то спросил Лиду о чём-то из другой комнаты. Она тихо ответила и снова заговорила с Яной. Яна не торопилась заканчивать звонок.

Около полуночи Лида снова позвонила.

— Ты где?

— Дома.

— Это я слышу. Ты ела?

Яна посмотрела на пустую чашку.

— Наверное.

Через сорок минут приехал курьер. Лёша спустился и принёс пакет с готовой едой и хлебом.

— Это не мы заказывали.

— Знаю.

Яна написала Лиде, что та потратила лишние деньги.

«Да», — ответила Лида.

И следом: «Поешь».

Яна разогрела еду, села перед монитором и съела половину порции. Потом написала Лиде: «Поела. Всё равно ругаюсь».

Через несколько дней Лида позвонила днём — редкость, потому что обычно они разговаривали поздно. Яна увидела имя и сразу спросила:

— Что случилось?

— Почему обязательно случилось?

— Ты звонишь в рабочее время.

— У меня ужасный текст. Мне нужен человек, который скажет, что я не сошла с ума.

Лида прислала документ. Яна открыла на втором мониторе. В первых двух абзацах одна мысль повторялась четырежды, затем начинался список из одиннадцати пунктов без общего глагола.

— Ты не сошла, — сказала Яна. — Автор, возможно, да.

— Спасибо. Уже легче.

Они прошли по тексту вместе. Яна сокращала, Лида защищала отдельные формулировки, потом сама же над ними смеялась. В одном месте встретилось предложение на восемь строк. Яна дочитала его вслух до середины, сбилась и начала заново.

— Не надо, — сказала Лида сквозь смех. — Мы можем погибнуть обе.

— Я просто хочу найти сказуемое.

— Оставь семье надежду.

За сорок минут документ стал рабочим. Лида сказала, что теперь должна Яне обед.

— Ты уже прислала.

— Тогда кофе.

— Ты в другом городе.

— Не усложняй. Когда-нибудь окажемся в одном.

Дату они не назначили. В истории звонков стояло пятьдесят восемь минут. Всё это время они ругали плохой текст, перебивали друг друга и спорили о слове; имя Марата не прозвучало ни разу.

Через неделю Лида впервые включила видео. До этого они знали лица друг друга по маленьким рабочим фотографиям. Яна увидела кухню, сушилку с бельём и кота, который ходил по столу.

— Так вот кто правит тексты, — сказала Яна.

— Он хотя бы читает до конца.

Яна свою камеру включать не хотела. Лида не просила. Поставила телефон у чашки и продолжила рассказывать про работу. Потом кот сдвинул его, в кадре осталась только люстра.

— Теперь честно, — сказала Яна и включила камеру тоже.

В маленьком окне были два монитора, кровать, край шкафа и Нора в проходе. Яна заранее увидела себя глазами другого человека: очень полная, волосы снова слишком тёмные, старая домашняя одежда.

Лида посмотрела и спросила:

— Это у тебя два монитора? Я завидую.

— Наконец человек расставил приоритеты.

Глеб вошёл спросить про ужин, увидел экран и помахал. Лида помахала в ответ. Затем появился Лёша с тарелкой, Олеся прошла за спиной с ноутбуком. За пять минут Лида увидела всю квартиру, кроме кухни.

— Я думала, ты одна живёшь в комнате, — сказала она.

— Я и живу. Остальные проходят транзитом каждые тридцать секунд.

Нора положила морду Яне на колено, закрыв часть камеры. Лида попросила показать собаку целиком. Яна повернула телефон к Норе; та сразу поднялась, решив, что хозяйка встаёт.

Они разговаривали до тех пор, пока у Лиды не сел телефон. Перед отключением та сказала:

— Теперь хотя бы понятно, куда я звоню.

После этого видео иногда оставалось включённым. Лида готовила ужин, Яна работала, обе могли молчать по десять минут. Никакой специальной темы не требовалось.

Глава 6. Семь тысяч

К выпускному Лёши Яна собиралась надеть одно из старых платьев.

Она почти всегда носила платья или юбки, даже зимой. Брюки не любила и покупала только тогда, когда без них было совсем неудобно. Платья в шкафу были недорогими и давно знакомыми: у одного растянулась горловина, у другого ткань стала тонкой на боку, третье выглядело прилично, если сверху надеть кардиган и не рассматривать швы при ярком свете.

Новое Яна не покупала несколько лет.

Кроссовкам было пять. Сумку Андрей уже однажды прошил по бокам и заменил ремень, поэтому Яна продолжала её носить. Деньги всегда находили более понятное применение: квартплата, кредиты, машина, лекарства, детям на занятия, маме на таблетки.

Светлое платье Яна увидела в интернете поздно вечером. Почти бежевое, в мелких красных цветах, с короткими пышными рукавами и длинной свободной юбкой. Вырез был большим — не вечерним, но таким, который сразу заставлял подумать о груди и о том, что под платье нет подходящего белья.

Семь тысяч.

Яна закрыла страницу. Через час открыла снова.

Платье не было необходимым. У неё уже имелось в чём пойти. После выпускного носить его будет некуда. Можно найти дешевле, дождаться распродажи или вообще не делать из школьного праздника событие, ради которого женщина с долгами покупает себе новую вещь.

На следующий день страницу увидел Лёша.

— Это тебе на выпускной?

— Смотрю.

Он тоже посмотрел на цену.

— У тебя же есть синее.

— Есть.

— Ты и в нём красивая.

Яна знала, что сын не отговаривает её из жадности. Он хотел снять с неё расход и одновременно сказать, что платье ничего не изменит. Только желание после его слов не исчезло.

Ей хотелось прийти на выпускной красивой. Не просто аккуратно одетой мамой, которая всё организовала, приехала вовремя и встала сбоку для общей фотографии. Хотелось самой себе понравиться в этот день.

Три вечера платье лежало в корзине интернет-магазина. Яна открывала страницу после работы, увеличивала фотографию ткани, снова смотрела на цену и закрывала. В тот же период пришёл платёж за машину, Глеб попросил новые кисти, а мама написала, что заканчиваются лекарства.

На четвёртый вечер платье исчезло из наличия в нужном размере. Яна почувствовала облегчение и почти сразу — обиду. Через час размер появился снова: кто-то не оплатил заказ.

Она сидела перед экраном и понимала, что сейчас может повторить привычный порядок. Сначала решить всё обязательное, потом проверить остаток, затем отказаться от желания как от несвоевременного. Так было разумно. Так она жила много лет.

Яна нажала кнопку оплаты. Сердце стучало так, словно деньги списали не за платье, а за что-то запрещённое.

После подтверждения она открыла банковское приложение и ещё раз пересчитала ближайшие две недели. Никакой катастрофы не случилось. Придётся внимательнее заправляться и не заказывать еду два раза. Глебовы кисти помещались. Мамины лекарства тоже.

Платье всё равно казалось слишком дорогим.

Лида, которой Яна пожаловалась вечером, спросила:

- Тебе нравится?
- Да.
- Ты можешь его оплатить?
- Технически.
- Тогда проблема в чём?
- В том, что можно было потратить иначе.
- Деньги всегда можно потратить иначе.

Яна ничего не ответила. Эта простая фраза не решала бюджет. Но оставляла за платьем право существовать среди других вариантов.

Курьер приехал днём. За пакетом спустился Глеб.

- Не открывай, — предупредила Яна по телефону.
- Я не собирался.
- Ты уже шуршишь.
- Проверяю целостность упаковки.

Когда он поднялся, Яна сказала, что фотографию платья всё равно видела.

— Фотографию видела, а само платье ещё нет, — ответил Глеб и торжественно вручил пакет.

Примеряла Яна в своей комнате, сдвинув кресло от стола. В зеркале платье оказалось светлее, чем на сайте. Красные цветы были мелкими, почти домашними. Рукава собирались мягкими складками, длинная юбка ложилась на пол свободными складками. Вырез действительно был большим.

Ткань не скрывала живот, не делала руки тоньше и не превращала Яну в женщину с другой фигурой. Она видела всё, что обычно старалась не рассматривать: тяжёлую грудь, складки на талии, круглое лицо, волосы после окрашивания снова темнее, чем хотелось.

И всё равно платье ей нравилось.

Яна несколько раз повернулась перед зеркалом. Потом сфотографировалась на телефон, посмотрела кадр и почти сразу удалила.

- Ну? — спросила Олеся из-за двери.
- Мне нужно бельё.
- Это значит, что платье оставляем?
- Это значит, что без белья его точно не надену.

В магазин они поехали вместе. Олеся заранее предупредила, что не умеет выбирать бюстгалтеры другим людям и готова только приносить размеры в примерочную.

- Этого достаточно.
- И я всё равно предложу бежевый.
- Под светлое платье он хотя бы нужен, — признала Яна.

До магазина от парковки пришлось идти дольше, чем она рассчитывала. Яна дважды замедлялась возле витрин. Олеся не спрашивала, надо ли отдохнуть, просто останавливалась рядом и начинала рассматривать вещи.

В примерочной яркий свет был беспощаднее домашнего. Первый бюстгалтер давил под грудью, второй плохо держал, третий оказался удобным и бежевым.

— Покажи вырез, — попросила Олеся.

Яна приоткрыла штору.

Дочь посмотрела не на тело, а на линию платья.

— Нормально. Его не видно.

— Очень вдохновляющий отзыв.

— Я могу сказать, что ты роскошная, но ты всё равно попросишь проверить, не торчит ли бретель.

— Не торчит?

— Не торчит.

Бюстгальтер стоил неприятно дорого. Яна расплатилась и по дороге к выходу несколько раз мысленно сложила обе покупки. Олеся несла пакет и рассказывала про преподавательницу, которая снова поменяла требования к учебной работе. Яна слушала и пыталась не возвращать платье в голове.

Глава 7. Выпускной

За два дня до выпускного школа опубликовала список тех, кого зачислили в десятый класс. Лёша увидел его раньше Яны. Пришёл в её комнату с телефоном, остановился между кроватью и рабочим креслом и сказал:

— Взяли.

Яна не сразу поняла, о чём он.

— Куда?

— В десятый. Список уже есть.

Он говорил спокойно, будто речь шла о расписании на следующую неделю. Но экран держал перед собой и не убирал, пока Яна не нашла его фамилию сама.

— Ты же волновался.

— Немного.

— Ты обновлял страницу с семи утра.

— Она могла появиться в любой момент.

Яна поднялась и обняла его. Лёша терпел несколько секунд, потом тоже обхватил её за плечи.

— Я горжусь тобой, — сказала она.

— Мам, я просто остаюсь в той же школе.

— Ты закончил девять классов и поступил в десятый. Не уменьшай мне событие.

Он усмехнулся и ушёл сообщать братьям и сестре так, словно они ещё не видели список в семейном чате. Через минуту Глеб закричал из проходной комнаты, что теперь Лёша официально согласился ещё два года вставать по утрам добровольно. Олеся ответила, что слово «добровольно» здесь лишнее.

В день выпускного Яна начала собираться слишком рано и всё равно опаздывала. Открыла рабочую почту только проверить одно сообщение, увидела комментарий к тексту и уже потянулась к клавиатуре. Олеся вошла с расчёской, посмотрела на экран и закрыла окно.

— Я не закончила.

— Сегодня закончишь после праздника.

— Там человек ждёт.

— Лёша тоже ждёт.

Это сработало. Яна встала из-за компьютера, хотя ещё несколько минут мысленно продолжала править фразу.

Волосы она уложила сама, Олеся только поправила несколько прядей у лица. Цвет после последнего окрашивания опять получился темнее, чем хотелось, но со светлым платьем смотрелся мягче. Бежевый бюстгальтер не был виден в вырезе, и Яна проверила это ещё два раза, наклоняясь к зеркалу.

Глеб ходил возле двери и спрашивал, когда можно посмотреть. Лёша уже был в рубашке, несколько раз проходил мимо и делал вид, что происходящее его не касается.

Когда Яна наконец вышла, он поднял голову.

— Ну?

— Тебе идёт, — сказал Лёша.

— Ты обязан так говорить.

— Мне сегодня выдают аттестат. Я теперь почти взрослый и могу не врать матери.

Он подошёл и поправил край рукава, который загнулся внутрь. Потом быстро добавил:

— Правда красиво.

Яна хотела ответить шуткой, но голос неожиданно дрогнул. Она отвернулась к сумке, проверила документы и спросила, все ли готовы. На выпускной ехали все: они и раньше ста-

рались не пропускать семейные праздники. Нора оставалась дома и спокойно дожидалась их, как бывало уже много раз.

До школы Яна вела молча. Лёша сидел сзади рядом с Глебом и переписывался с одноклассниками. Олеся держала на коленях Янину сумку, потому что та мешала возле коробки передач, и время от времени смотрела на братьев в зеркало.

У школьного двора Яна вспомнила другое сентябрьское утро. Лёша тогда едва доставал ей до плеча, рюкзак был слишком большим и бил по ногам, а букет он сначала держал сам, потом отдал Марату. Марат присел прямо у входа и долго возился с развязавшимся шнурком. Лёша сердился, что они опоздают на первую линейку, хотя пришли раньше половины класса.

Яна тогда сфотографировала их обоих: Марат на корточках, Лёша серьёзный, с белым воротником и огромным ранцем. На следующем снимке сын уже смеялся, потому что отец сказал что-то про школьников, которые возвращаются домой после первого урока взрослыми и требуют отдельную квартиру.

Девять лет казались длинными, пока их проживали. Утренние поиски сменки, забытая физкультурная форма, первая двойка, которую Лёша прятал ровно до вечера, школьные концерты, контрольные, собрания, простуды перед важными днями. Марат забирал его после уроков, если Яна работала, возил за тетрадями и однажды вернулся к школе через весь город, потому что Лёша оставил дома проект. Рядом с каждым таким воспоминанием муж существовал так естественно, что Яна до сих пор иногда замечала его отсутствие только после того, как мысленно уже поручила ему что-нибудь сделать.

В зале родители занимали места заранее. Яна выбрала стул у прохода: не хотела протискиваться между рядами и знала, что долго сидеть неподвижно будет тяжело. Олеся устроилась рядом и забрала у неё телефон, пообещав снять всё нормально. Глеб сел с другой стороны.

— Я тоже умею фотографировать, — сказал Глеб.

— Поэтому у нас есть сорок кадров чужих голов с прошлой линейки.

— Это документальная среда, — возразил он.

— Сегодня документировать буду я, — сказала Олеся.

Лёша стоял у сцены с одноклассниками. В рубашке и тёмных брюках он выглядел старше, чем утром дома. Уже не мальчик с ранцем и не ребёнок, которого можно за руку провести через школьный двор. Он что-то сказал соседу, рассмеялся, потом начал искать глазами зал.

Яна подняла руку. Лёша увидел её, едва заметно кивнул и сразу отвернулся. Этого короткого движения оказалось достаточно, чтобы у неё защипало глаза.

Она плакала не только потому, что Марата рядом не было. Горе за последние месяцы успело научиться присоединяться почти к любому событию, но сегодня рядом с ним была другая, не менее сильная вещь. Её сын закончил девять классов. Сдал экзамены. Решил остаться в школе и прошёл в десятый. Всё это время он рос, ошибался, спорил, учился, переживал смерть отца и всё равно вышел сейчас на сцену за своим аттестатом.

Когда назвали его имя, Лёша пошёл к директору чуть быстрее остальных, будто хотел закончить неловкую церемонию до того, как на него успеют посмотреть. Получил папку, пожал руку, повернулся к залу. На секунду Яна увидела одновременно двух Лёш: маленького первоклассника с букетом и высокого парня, который уже перерос Марата.

Олеся молча протянула ей салфетку.

— Я нормально, — шепнула Яна.

— Конечно.

На сцене фотографировали весь класс. Лёша стоял во втором ряду и снова искал глазами мать. Яна улыбнулась ему, хотя слёзы ещё не высохли. Он улыбнулся в ответ — коротко, только ей, — и в этот момент Олеся сделала снимок.

После церемонии коридор сразу заполнился людьми. Родители обнимали детей, учителя пытались собрать класс ещё для одной фотографии, кто-то уже обсуждал ресторан. Лёша подошёл к Яне с папкой под мышкой.

— Ну что ты плачешь?

— Горжусь.

— Я просто школу пока не бросил.

— Ты поступил в десятый.

— Мам, это не университет.

— Дай мне самой решить масштаб моей гордости.

Лёша посмотрел на неё, потом обнял крепче, чем дома.

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже.

Рядом кто-то сказал, что Марат наверняка гордился бы сыном. Лёша сразу напрягся. Поблагодарил, но папку прижал к себе сильнее. Когда человек отошёл, он тихо попросил:

— Можно сегодня без папы? Не потому что я его не люблю. Просто все говорят.

— Можно, — ответила Яна. — Сегодня про тебя.

Лёша выдохнул и пошёл к одноклассникам. Яна смотрела, как он смеётся, перекладывает папку из руки в руку, спорит, куда они поедут после школы. Она не стала возвращать Марата в каждую минуту этого дня. Муж уже был в первых девяти годах, в школьном дворе, в привычке сына проверять колёса, в его серьёзном лице и резкой походке. Сегодня рядом с Лёшей стояла она.

Для фотографии он снова подошёл к матери и обнял её за плечи. Яна сначала встала привычно — руки перед животом, подбородок чуть ниже, — но Лёша что-то шепнул про Глеба, который стоял за спиной Олеси и показывал ему рожицы. Она засмеялась и повернулась к сыну.

Олеся сняла именно этот момент. На фотографии Яна не втягивала живот, не проверяла вырез и не смотрела в камеру. Светлое платье с красными цветами занимало половину кадра. Лёша наклонился к ней и тоже смеялся. За их спинами были чужие люди, плакаты и край школьной сцены, но Яна потом почти их не замечала.

В коридоре незнакомая женщина задержалась рядом.

— Вам очень идёт это платье.

Яна по привычке оглянулась, хотя рядом никого не было.

— Спасибо.

Женщина ушла, не добавив ничего про смелость, возраст или фигуру.

Лёша уехал отмечать с одноклассниками. Перед тем как сесть в чужую машину, вернулся к Яне и спросил:

— Заберёшь, если поздно?

— Позвонишь — заберу.

— Даже ночью?

— Даже ночью.

Он поцеловал её в щёку и убежал. Яна, Олеся и Глеб ещё немного постояли возле школы. На ступенях фотографировались другие семьи. Кто-то держал цветы, кто-то спорил, где припаркована машина. Девять лет назад Яна стояла здесь между Маратом и маленьким Лёшей. Теперь рядом были дочь и младший сын, Лёша уходил со своим классом, а ключи от машины лежали в Яниной сумке.

Ночью Лёша всё-таки позвонил. Яна переоделась в старое домашнее платье, вышла во двор, завела машину и поехала за ним по почти пустым улицам. Он сел на заднее сиденье усталый, счастливый и немного охрипший.

— Хороший день? — спросила она.

— Да.

Через несколько минут добавил:

— В десятом, наверное, будет сложнее.

— Наверное.

— Но я хочу.

— Я знаю.

На светофоре Яна посмотрела на него в зеркало. Лёша уже листал фотографии в телефоне и морщился на каждом кадре, где считал себя неудачно получившимся. Яна не стала спорить. У неё была другая фотография.

Дома она открыла снимок Олеси на компьютере. Сначала, как всегда, увидела себя: полные руки, складки ткани, слишком тёмные волосы. Потом посмотрела на лицо сына. Он смеялся и держал её за плечо.

Яна сохранила фотографию в отдельную папку. Назвала датой выпускного и добавила: «Лёша. Девятый класс». Через секунду дописала: «Зачислен в десятый».

После выпускного платье несколько дней висело на дверце шкафа. Яна могла бы убрать его сразу, но не спешила. Утром ткань с красными цветами попадала в поле зрения, когда она садилась за компьютер. Один раз Нора легла на край юбки, и Яна осторожно вытащила платье из-под тяжёлой лапы.

Потом всё-таки повесила в шкаф, но не задвинула к старым вещам. Оставила впереди.

Глава 8. Правильная жизнь

В августе Яне исполнился сорок один.

Она любила дни рождения. Ей не было стыдно за возраст и не казалось, что после определённой цифры праздник становится неприличным. Один день в году существовал потому, что она появилась на свет. Можно было хотеть внимания, свечей, красивой еды, поздравлений.

Первый день рождения после смерти Марата начался со звонка его матери. Та попыталась поздравить и расплакалась на втором предложении. Потом сказала, что Марат обязательно придумал бы подарок, что ему самому всегда нравились праздники, что она всю ночь о нём думала.

Яна утешала её двадцать минут.

Следом позвонила мама Яны. Тоже плакала.

К одиннадцати Яна устала от собственного дня рождения.

— Мы всё равно будем отмечать, — объявил Глеб.

— Кто «мы»?

— Семейный организационный комитет. Ты не уполномочена отменять своё рождение.

— А комитет уполномочен убрать комнату?

— Это выходит за рамки мандата.

Олеся заказала еду. Лёша принёс небольшой букет и поставил его в банку, потому что вазу никто не нашёл. Глеб сделал плакат: Яна за двумя мониторами, в короне, с чашкой кофе размером с ведро; Нора рядом в роли телохранителя.

Потом мальчики поссорились из-за того, кто должен расставлять тарелки. Лёша сказал, что Глеб весь день рисует плакат и ничего не делает. Глеб ответил, что ненавидит фразу «я старше». Один толкнул коробку с пищей, соус попал на край плаката.

— Всё, — сказала Олеся. — Я вас сейчас обоих выселю.

— Куда? — спросил Глеб. — Недвижимость мамина.

— Вместе с кредитами, — добавила Яна. — Выбирайте комнату и платёж.

Они засмеялись, но тарелки всё-таки расставили.

Сергей поздравил сообщением: «Сегодня без срочного».

Яна ответила: «То есть срочное будет завтра в двойном объёме?»

«Не порть мне красивый жест».

Через час он прислал один файл с пометкой: «Не открывай до завтра». Яна, конечно, открыла. Написала два замечания. Сергей ответил одним словом: «Выгнать?»

«Меня нельзя. Я дома».

Сергей следом спросил, не у Глеба ли сегодня репетиция допоздна. Яна ответила, что сегодня праздник и сына забирает Лёша, и спросила, доехал ли сам Сергей до дачи. Он прислал фотографию ноутбука на коленях и написал: «Не бери пример с руководителя».

«Поздно. В файле два комментария».

«Два оставь. Третий, который ты сейчас пишешь, удали. Сегодня я начальник».

Яна удалила третий.

Осень прошла внутри работы, мокрой обуви у двери, Глебовых репетиций и Лёшиных попыток разобраться в машине лучше, чем успел научить отец. Олеся приносила из университета папки и модели, которые занимали половину проходной комнаты. Нора ложилась в оставшейся половине, а Яна по вечерам отвечала на сообщения между просьбами забрать, проверить, оплатить и найти.

Иногда Марат отсутствовал так громко, что никто не знал, куда посмотреть. Иногда дети спорили из-за зарядки, смеялись над испорченным ужином и забывали о нём на целый час. Яна не напоминала. Горе не требовало, чтобы они доказывали любовь непрерывной болью.

* * *

Перед Новым годом Глеб потребовал поставить ёлку на то же место, куда её ставил Марат. Там теперь лежали коробки Олеси и часть Лёшиных инструментов.

— В другое место нельзя, — сказал Глеб. — Папа всегда здесь ставил.

— Папа каждый год ругался, что здесь мешает, — ответил Лёша.

— Но ставил.

Олеся предложила маленькую ёлку на подоконник. Глеб сказал, что это куст, а не праздник. За десять минут разговор стал настолько громким, что Яна вышла из своей комнаты.

— Ставьте куда хотите.

— Нам нужно решение, — сказал Лёша.

— Мне нужно закончить работу.

— Конечно, — бросил Глеб. — Папа бы уже поставил.

Яна вернулась к компьютеру, закрыла дверь и тут же снова открыла. Глеб стоял у коробок, злой, с красными ушами. Лёша держал подставку, Олеся уже переносила вещи.

— Хорошо. Здесь, — сказала Яна. — Но проход оставьте. И Нору не привязывать к батарее, как в прошлый раз.

— Это папа привязал, — сказал Глеб.

— Поэтому и не повторять.

Ёлка оказалась кривой. Лёша подкладывал картон под подставку, Глеб уверял, что так даже красивее, Олеся распутывала гирлянду. Нора легла прямо на провод. Когда огни наконец зажглись, половина не работала.

— Папа умел чинить, — сказал Глеб.

— Папа в прошлом году выбросил её и купил эту, — напомнила Олеся.

— Значит, купил плохую.

Лёша нашёл оборванный контакт, замотал изолентой, гирлянда вспыхнула. Глеб ничего не сказал. Повесил на нижнюю ветку старую деревянную машинку, которую Марат всегда ставил сам.

Позже Яна обнаружила, что дети заказали продукты к празднику без неё. Олеся собрала корзину, Лёша проверил цены, Глеб добавил три упаковки сладкого и одну экзотическую банку, назначения которой никто не знал.

— Это для атмосферы, — объяснил он.

— Атмосфера стоит восемьсот рублей, — сказала Яна.

— Тогда убирай.

Он сказал слишком равнодушно. Яна убрала банку, вернула одну упаковку сладкого и добавила мандарины. Заказ привёз курьер, мальчики спустились. Нора ждала у двери, обнюхала каждый пакет, потом унесла один мандарин на свою подстилку.

В полночь мать Марата позвонила по видео. Все четверо по очереди говорили с ней, показывали ёлку. Глеб поднёс камеру к деревянной машинке и долго держал. Женщина заплакала. Глеб выключил звук и отдал телефон Яне.

— Я не могу, — сказал он.

— Иди в ванную, если хочешь побыть один.

— Уже иду.

Лёша хотел пойти следом, Олеся остановила его и поставила чайник. Через десять минут Глеб вышел сам, сел на пол рядом с ёлкой и стал чистить мандарин. Нора положила морду ему на плечо. Он отдал ей дольку, Яна забрала.

— Ей нельзя.

— В Новый год всем можно.

— Нет.

Они встретили праздник без тоста. Лёша включил музыку, Олеся раздала тарелки, Глеб пожаловался, что салат неправильный. В час Яна вернулась к компьютеру проверить отправку. Сергей увидел её в сети и написал одно слово: «Серьёзно?»

Яна ответила фотографией кривой ёлки.

Он прислал: «Засчитано. Теперь выйди».

Она закрыла чат и пошла к детям. Глеб уже спал, вытянувшись поперёк кровати, Лёша листал телефон, Олеся пыталась освободить себе место между коробками. Яна переступила через Нору, села рядом и доела холодный мандарин.

После двух ночи в квартире стало тихо. Яна лежала и смотрела на слабые огни гирлянды из проходной комнаты. Первый Новый год без Марата закончился не торжественным обещанием жить дальше, а холодным мандарином, недоделанной работой и детьми, которые наконец уснули.

Туман никуда не делся. Просто внутри него продолжалась жизнь, слишком обычная, чтобы каждый раз замечать её отдельно.

* * *

К психологу Яна начала ходить не сразу.

Сначала казалось, что говорить нечего. Марат умер — это факт. Дети живы, работа есть, долги надо платить. Психолог не мог вернуть человека, убрать платежи или прожить за неё день.

Потом Лида нашла специалиста и почти заставила записаться.

Несколько встреч Яна оплатила сама. На каждой говорила быстро, как на рабочем созвоне: факты, последовательность, выводы. Психолог просил остановиться и назвать чувство. Яна называла то, что, по её мнению, должен чувствовать человек в такой ситуации.

Собственные эмоции было труднее различить.

Она слишком легко принимала чужие. Мама плакала — Яна чувствовала её горе. Мать Марата боялась забыть голос сына — Яна успокаивала. Дети злились — Яна искала, что им сказать. Для себя оставалась усталость, которую можно было не анализировать.

На очередной встрече психолог сказал:

— Вам нужен врач.

— Я справлюсь.

— Вы справляетесь каждый день. Я спрашиваю не об этом.

На психиатра Яна решилась только зимой, незадолго до первой годовщины.

Первая причина была простой: деньги.

Приём стоил столько, сколько несколько пакетов продуктов, бензин и часть платежа. Яна открывала страницу клиники и закрывала. Вторая причина была привычнее: если она всё ещё встаёт, работает и возит детей, значит, может выдержать ещё.

Лида спросила цену и перевела деньги раньше, чем Яна успела запретить.

— Я верну.

— Потом.

— Мне неудобно.

— Поэтому я не спрашивала разрешения.

На приёме врач говорил спокойно и задавал прямые вопросы.

Спит ли она. Ест ли. Может ли работать. Бывают ли мысли о смерти.

Яна отвечала, глядя в край стола.

— Бывают.

— Как часто?

Она сказала правду.

После приёма в сумке лежал рецепт, а в голове — сумма следующей встречи. Таблетки Яна купила по дороге домой.

Первую выпила утром с кофе, хотя надо было с едой. Через час затошнило. Несколько дней состояние стало не лучше, а страннее: сухость во рту, тяжёлая голова, сонливость днём и невозможность нормально спать ночью.

Работать было труднее. Яна несколько раз перечитывала один абзац, пропускала очевидную ошибку, забывала слово.

Сергей один раз вернул файл и спросил:

— Что с тобой?

— Новые таблетки.

— Понял. Срок я перенесу.

На следующий день в календаре вместо пятницы стоял понедельник. Сергей ничего не объяснил и больше о таблетках не спрашивал.

Через две недели тошнота уменьшилась. Потом Яна однажды утром заметила: она уже выпила кофе, открыла рабочие чаты и ещё ни разу не подумала, что лучше было бы не просыпаться.

Это не было желанием жить.

Просто мысль о смерти отступила чуть дальше.

Долги остались. Тело болело. Гемоглобин был очень низким, ходить тяжело, к нужным врачам бесплатно было почти не попасть, а частные стоили слишком дорого. Таблетки не изменили ни одну из этих вещей.

И всё же внутри появилось несколько сантиметров расстояния между Яной и болью.

Возможно, именно поэтому к первой годовщине туман начал становиться тоньше. Возможно, просто прошёл год. Возможно, таблетки начали действовать примерно тогда же. Яна не умела отделить одно от другого и не хотела превращать лечение в чудо.

Оно не вернуло ей жизнь.

Но, может быть, позволило впервые увидеть, что жизнь всё ещё существует.

* * *

В конце февраля исполнился год со смерти Марата.

Яна долго не хотела ничего устраивать. Потом забронировала небольшой зал в кафе и позвала только близких — тех, кто действительно знал Марата и не требовал от неё отдельного представления горя.

Утром они поехали на кладбище.

Дорогу Яна знала наизусть. Где свернуть, у какого магазина купить цветы, куда поставить машину, если у входа занято. Дети спорили о том, какие цветы выбрал бы отец. Яна не вмешивалась, пока спор не стал громче музыки.

— Берите любые свежие, — сказала она. — Он всё равно говорил, что цветы бесполезные.

Глеб выбрал жёлтые. Лёша — простые красные. Олеся взяла оба букета.

До могилы Яна шла медленно. Лёша нёс воду и инструменты, Глеб жаловался, что пакет тяжёлый, Олеся несколько раз оглядывалась и в конце вернулась взять Яну под локоть.

У камня никто не говорил торжественных слов.

Лёша убрал старые ветки. Олеся протёрла фотографию. Глеб поставил жёлтые цветы и поправлял их, пока они не перестали падать на красные.

— Папа бы сказал, что мы неправильно всё делаем, — сказал Лёша.

— И сделал бы третьим способом, — ответила Олеся.

Глеб усмехнулся.

Яна тоже.

В кафе вспоминали закрытый мост, ночные поездки и Маратовы байки. Галина Петровна снова плакала по лучшему зятю. Яна сидела рядом, наливала ей воду и вдруг заметила: она уже делала это год назад в другом кафе.

Год замкнулся.

Не завершился. Не поставил точку. Просто впервые получил размер.

До этой даты Яна жила внутри «после смерти Марата». Теперь смерть перестала быть вчерашним событием, хотя иногда по-прежнему ощущалась именно так.

После кафе они вернулись домой. Дети разошлись по своим делам быстрее, чем после похорон. Олеся открыла ноутбук, Лёша ушёл проверить машину, Глеб включил музыку. Нора легла возле Яниной двери.

Яна села за рабочий стол и не включила мониторы.

На стене возле шкафа стояла незаконченная алмазная мозаика с маяком. Несколько готовых картин Марат успел повесить, эту Яна купила уже после его смерти. Тёмная вода, башня на камнях, полоска света. Верхняя часть неба оставалась пустой.

Яна сняла защитную плёнку, нашла нужный пакетик и приклеила один синий квадрат.

Потом второй.

Телефон молчал. Рабочие чаты не требовали её прямо сейчас. Дети не звали.

Она приклеила ещё несколько и вдруг подумала не о том, как прожить следующий день.

Подумала: а что вообще произошло с её жизнью?

Вопрос оказался страшнее многих срочных задач.

Яна накрыла мозаику плёнкой и включила правый монитор. На экране открылась таблица долгов. Все суммы были знакомыми. Ни одна не появилась после смерти внезапно. Просто раньше возле них существовал Марат, его обещания и его забота. Теперь остались цифры и Яна.

Она закрыла таблицу.

На левом мониторе был рабочий проект, который никто не просил открывать в воскресенье. Яна открыла и его, прочитала первый абзац, потом поймала себя на привычном движении.

Работа всегда приходила первой, когда становилось нечего держать руками.

В тот вечер она впервые не закончила файл.

Выключила оба монитора и легла рядом с Норой прямо поверх покрывала. Собака придвинулась, положила тяжёлую голову на Янину ногу.

Туман не исчез.

Просто в нём впервые стали видны отдельные предметы.

* * *

В июне Яна начала вспоминать.

Не специально. Память приходила через вещи, цифры, случайные фразы детей.

Лёша полез за инструментами и уронил коробку с фотографиями. Снимки рассыпались по полу, один заехал под кровать, другой оказался рядом с Нориной миской.

На первой фотографии Марат держал новорождённую Олеся.

Он был почти мальчишкой — чёрные волосы, очень тёмные глаза, растерянная улыбка. Локти прижал к бокам, ладонями поддерживал голову и спину ребёнка.

Марат присутствовал на всех трёх родах.

Для окружающих это было почти подвигом. Мужчины шутили, что сами добровольно не пошли бы. Женщины спрашивали, не стало ли ему плохо.

Яна подвигом не считала. Ей было страшно и больно, а он держал её за руку, приносил воду, раздражал неуместными шутками и иногда смешил в тот момент, когда она хотела его ударить.

После рождения Олеси он плакал. С Лёшей уже считал себя опытным, но привёз в роддом зарядку, три шоколадки для себя и забыл половину вещей из списка. На родах Глеба знал, когда молчать и как массировать поясницу.

Он был включённым отцом. Вставал к детям, гулял, оставался с ними, знал расписания. Не называл это помощью жене.

Яна тоже работала на всех трёх родах — точнее, почти сразу после них.

На фотографиях возле больничной кровати лежал телефон, иногда старый ноутбук. С Олесей Яна открыла рабочую переписку на следующий день. После Лёши отправляла правки из палаты. Когда родился Глеб, медсестра увидела таблицу и спросила:

— Зачем вы работаете?

— Там быстро.

— У вас ребёнок родился.

— Он спит.

Тогда это казалось достаточным объяснением.

— Ты правда работала в роддоме? — спросил Лёша теперь.

— Правда.

— Зачем?

Яна хотела ответить: надо было.

Потом подумала.

— Мне казалось, что если я могу, то должна.

— Странная логика.

— Сейчас тоже так думаю.

Дети продолжили разбирать фотографии. Спорили, что сохранить, что отсканировать, что никому не показывать. Яна оставила снимок Марата с ребёнком в стопке «не выбрасывать».

На фотографии не было лжи. Марат действительно заботился о ней: покупал то, что она просила, возил, приносил кофе, запоминал нужное пирожное. Боялся потерять и после того давнего августа старался быть рядом особенно сильно.

Только за кадром оставалось другое. Пока он заботился, Яна работала — утром, ночью, в отпуске, в роддоме. Брала следующий проект, когда цифры не сходились. Соглашалась на кредиты, потому что Марат обещал, что они расплатятся, и верила: рядом с обещанием была забота, а она ощущалась надёжнее таблицы.

Один раз Яна позволила себе не работать — и дома не оказалось хлеба. Второй раз уволилась перед его смертью.

После этого внутри закрепились почти физическая уверенность: если она остановится, никто не подхватит. Всё просто продолжит падать.

Забота была правдой. Долги тоже. Яна больше не могла закрывать одно другим.

На работе Яна жила похожим образом.

Она быстро читала, быстро вникала, запоминала много. Руководитель мог задать вопрос, двое людей долго объясняли причины и обстоятельства, а Яна писала в двух предложениях: что происходит и что делать дальше.

Ей это не казалось достижением.

Как считать заслугой то, что далось без усилия?

Однажды Яну повысили до менеджера по обучению. Эту должность давно ждала другая девушка. Брала дополнительные задачи, готовилась, говорила о ней как о следующем шаге.

Выбрали Яну.

Девушка улыбнулась и поздравила. Яна не знала, что та чувствовала на самом деле. Но сама перестала радоваться почти сразу. Ей казалось неприличным получить легко то, к чему другой человек шёл долго.

Она взяла больше чужих задач, старалась работать тише, не подчёркивала скорость. Потом всё равно почувствовала напряжение и ушла.

Так происходило не один раз.

Яна меняла работу не потому, что не справлялась. Иногда потому, что справлялась слишком быстро и слишком хорошо чувствовала, как это действует на людей рядом.

Она создавала маленькое «мы» почти с каждым человеком, с которым решала задачу. Не важно — мужчина, женщина, руководитель, стажёр. По ту сторону был человек. Можно написать, обсудить, исправить.

Но если человеку становилось тесно рядом с её скоростью, Яна первой начинала уменьшаться.

А потом исчезала.

Однажды Сергей увидел, что Яна сама переписала чужой блок.

— Зачем?

— Так быстрее.

— Тебе — да. Верни сотруднице комментарии, а не готовый текст.

Яна спорила, что клиенту всё равно, кто исправил файл. Сергей ответил, что сотруднице — не всё равно, если она должна научиться работать без Яны.

Он не просил её становиться медленнее. Просто иногда возвращал людям их задачи. Но даже Сергей видел только результат: к сроку всё было готово. Сколько вопросов Яна успевала решить между запланированными задачами, оставалось в её чатах и в голове.

В июне Сергей позвонил из-за нового фирменного стиля.

— Посмотришь логику? — спросил он. — Не дизайн, а как всё собирается.

— Присылай.

— Срок завтра.

— Тогда почему спрашиваешь?

— Для видимости добровольности.

Яна открыла файл на втором мониторе. Через десять минут увидела, что концепция пытается быть сразу про три разные вещи. Написала Сергею коротко, без длинного отчёта.

Он ответил: «Вот. Теперь понятно».

Яна привычно подумала: а что тут было сложного?

После разговора она заметила маяк у стены.

Пустой участок неба всё ещё ждал синих квадратов.

Яна села на край кровати, сняла плёнку и приклеила один.

На этот раз телефон зазвонил почти сразу. Она посмотрела на имя, но не ответила. Сообщение не было срочным. Через десять минут мир всё ещё стоял на месте.

Яна приклеила ещё несколько квадратов.

В тот месяц закончилась упаковка антидепрессантов. Денег на новую не хватало.

Она не забыла купить и не решила, что уже справилась. В приложении аптеки стояла цена, в холодильнике почти не было еды, машине требовался бензин.

Хлеб был важнее.

Неделю Яна жила без таблеток.

К четвёртому дню стало заметно хуже. Мысли снова подошли ближе, раздражение стало резче, в работе она перепутала версии файла и накричала на Глеба из-за пролитого кофе.

Вечером сама постучала в ванную и извинилась.

— Ты меня любишь, даже когда орёшь? — спросил Глеб.

— Люблю. Даже когда ору.

— Тогда нормально. Но орать всё равно не надо.

Лида услышала неладное по голосу.

— Ты пьёшь таблетки?

Яна помолчала.

— Нет денег.

Перевод пришёл во время разговора.

— Купи, — сказала Лида. — И еду. Не надо выбирать.

После перерыва Яна точно поняла: таблетки помогают.

Не делают счастливой. Не заставляют хотеть жить каждое утро. Просто уменьшают желание исчезнуть и оставляют немного места для других мыслей.

Возможно, поэтому именно теперь воспоминания начали приходить так ясно.

Яна могла смотреть на прошлое не только изнутри боли, но и со стороны.

Со стороны её жизнь выглядела правильной: муж, трое детей, совместные поездки, семейные фотографии, работа, квартира, собака.

Окружающие видели её и говорили, что Яне повезло.

Она сама много лет старалась думать так же.

Только теперь впервые возникал другой вопрос.

Была ли эта жизнь правильной для неё?

Яна пока не знала ответа целиком.

Некоторые воспоминания ещё стояли слишком близко. Один август она хранила двадцать лет и не рассказывала никому. Даже сейчас не была готова открыть его полностью.

Но вопрос уже появился.

После него вернуться в прежнее незнание было невозможно.

Яна накрыла мозаику плёнкой, закрыла рабочие чаты и подошла к окну.

Во дворе Нора сидела возле машины. Лёша забыл закрыть входную дверь, собака выбежала, нашла Янину машину и теперь ждала у водительского места.

Яна спустилась.

Увидев её, Нора бросилась навстречу, потом снова к машине.

— Ты куда не едешь, — сказала Яна.

Собака ткнулась носом в ручку.

Яна открыла дверь, позволила ей на минуту залезть в ноги, погладила тяжёлую голову и потом отвела домой.

На обратном пути она подняла лицо к свету между домами.

Впервые за долгое время заметила, какой он красивый.

Часть вторая. Себе

Глава 9. За рулём

В июле будний день Яны начинался раньше первого рабочего сообщения.

В половине восьмого Глеб искал второй кроссовок и одновременно доказывал, что на летнее занятие в художественной школе нельзя приходить без законченного рисунка. Лёша стоял у двери с рюкзаком для автошколы и просил высадить его не у самого входа, а через квартал: там меньше машин. Олеся собиралась в университет сама, но предупредила, что вечером у неё лабораторная и тяжёлая папка с материалами.

— Если закончишь после восьми, напиши заранее, — сказала Яна.

— Я всегда пишу заранее.

— Ты пишешь «мы уже вышли».

— Для нашей группы это заранее.

Нора услышала ключи и встала поперёк прихожей. Глеб пытался перешагнуть через собаку, Лёша держал входную дверь, Яна проверяла, взяла ли таблетки, и в этот момент Сергей прислал вопрос по тексту фирменного стиля. Она ответила из машины, пока дети пристёгивались.

До художественной школы было пятнадцать минут без пробок и почти сорок с ними. Глеб всю дорогу репетировал, как объяснит преподавательнице опоздание, хотя они приехали раньше начала занятия. Потом Яна высадила Лёшу возле автошколы, заехала за кормом для Норы и вернулась домой к первому созвону.

Днём Олеся написала, что закончит поздно. Вечером Глеба нужно было забрать с репетиции, а Лёше — передать куртку, которую он оставил дома. Все три адреса находились в разных частях города.

Яна не называла это сложным днём. Обычный вторник. Она просто открывала карту, смотрела на время и переставляла дела так, чтобы никто не ждал слишком долго.

К девяти вечера дети были дома. Яна остановила машину во дворе и несколько минут не выходила. В квартире её ждали работа, голодная Нора и спор о том, кто занял зарядку. Снаружи было тихо. Она положила руки на руль и посидела, пока Лёша не выглянул из подъезда.

— Ты уснула?

— Думаю.

— В машине?

— Здесь никто не спрашивает, что на ужин.

Лёша открыл заднюю дверь, забрал пакеты и сказал:

— Пять минут. Потом Нора начнёт вить.

Яна дала себе пять.

После первого Лёшиного выпускного прошёл год. Светлое платье всё ещё висело впереди в шкафу, аттестат за девятый класс лежал в верхнем ящике рабочего стола — другого места, куда не доберутся Глеб, Нора и случайно поставленная чашка, в квартире не нашлось. Десятый класс Лёша закончил уже без отдельной церемонии; осенью ему предстоял одиннадцатый. Сам он давно снова стал обычным: ворчал из-за ранних занятий, забывал куртку и каждый раз уточнял, действительно ли мать собирается ждать его возле автошколы, а не уедет по делам.

— Уеду, конечно.

— Тогда зачем приехала?

— Чтобы отвезти тебя.

— Можно было автобусом.

— Можно.

Он посмотрел на неё с подозрением, будто в этом коротком ответе скрывалась ловушка.

— А обратно?

— Как закончишь, напишешь. Посмотрим.

Раньше Яна сказала бы сразу: «Я заберу». Не потому, что дорога была удобной или ей самой хотелось ещё раз пересечь город, а потому, что Марат забирал детей почти всегда, если было поздно, холодно или тяжело, и после его смерти она пыталась сохранить каждое действие, которое можно было повторить. Будто семья оставалась прежней, пока Лёша не ехал с пересадкой, Олеся не несла папки в автобусе, а Глеб не ждал у школы дольше пяти минут.

За год это превратилось в расписание, в котором Яна присутствовала на всех маршрутах сразу. Она знала, где развернуться у университета, в каком дворе после шести закрывают шлагбаум, на какой остановке Глеб может сесть на нужный автобус и почему всё равно туда не садится. Дети привыкли спрашивать сначала её, а она — отвечать раньше, чем успевала проверить, есть ли у неё силы.

Теперь слово «посмотрим» не обещало отказа. Оно только оставляло решение до того момента, когда станут известны погода, пробки, время и её собственная усталость.

Лёша всё-таки поехал обратно автобусом. Яна узнала об этом уже после созвона, когда увидела сообщение: «Дома. Не забирай». Следом пришла фотография Норы, лежащей поперёк входной двери, и подпись Глеба: «Проверка прибытия пройдена».

Яна ответила сердцем и вернулась к макету. Внутри было непривычное чувство, похожее одновременно на облегчение и на вину. Она не поехала, сын добрался, ничего не разрушилось. Освободившийся час не стал свободным — Сергей как раз прислал комментарии к концепции, — но Яна хотя бы не провела его в пробке.

Через десять минут Сергей позвонил.

— Ты сейчас где?

— Дома.

— Отлично. Тогда посмотри второй экран.

— Я уже смотрю.

— Я ещё ничего не открыл.

— А я знаю, что ты хочешь показать. Там заголовок не работает.

Сергей помолчал, потом включил демонстрацию.

— Иногда рядом с тобой очень трудно чувствовать себя загадочным руководителем.

— Попробуй не присылать файл за двадцать минут до звонка.

Они быстро прошли по макету. Яна предложила переставить два блока, сократить вводный текст и не трогать фотографию, которую дизайнер пытался «исправить» уже третий раз. Сергей согласился не со всем; они поспорили о заголовке, каждый остался при своём, и он сказал, что покажет клиенту оба варианта.

Перед тем как отключиться, спросил:

— Лёшу забрала?

— Сам доехал.

— И ты выдержала?

— У меня был созвон. Я очень занятая женщина.

— Конечно. Поэтому и спрашиваю.

Он не стал хвалить её за то, что семнадцатилетний сын воспользовался автобусом. Только назначил следующий разговор и отключился. Яна ещё несколько секунд смотрела на пустой экран. Сергей слишком давно её знал и иногда замечал изменения раньше, чем она успевала решить, хочет ли вообще их показывать.

За год машина перестала быть предметом, к которому она подходила с заранее напряжёнными плечами. Не стала полностью понятной — габариты Яна всё ещё чувствовала хуже,

чем хотелось, парковку между двумя машинами выбирала только при отсутствии других вариантов, а на крутом подъёме отпускала сцепление так сосредоточенно, будто сдавала экзамен. Но теперь она хотя бы знала, что делать после того, как машина заглохла.

Права Яна получила шестнадцать лет назад. Потом почти не водила. Когда семья некоторое время жила за городом, Марат иногда пересаживался на пассажирское сиденье за несколько километров до дома. Яна ехала по знакомой дороге, парковалась там, где было много места, и с облегчением возвращала ему ключи. В городе необходимость исчезла. Марат водил быстрее, увереннее и всегда был рядом.

После его смерти выбора не осталось.

В первый раз она выехала одна через несколько дней после похорон. Машину нужно было переставить из чужого двора, куда её оставил Павел, и заодно заправить. Лёша сел рядом, хотя Яна не просила, и всю дорогу молчал так сосредоточенно, будто от его тишины зависела работа двигателя. На подъёме машина заглохла. Сзади сразу посигналили.

Яна завела снова, слишком резко отпустила сцепление и заглохла ещё раз.

— Можем поменяться, — сказал Лёша и тут же вспомнил, что меняться им не на кого.

— Очень полезное предложение.

— Я хотел поддержать.

— Тогда молчи ещё немного.

На третьей попытке машина поехала. Яна добралась до заправки, неправильно встала у колонки, сделала круг и подъехала с другой стороны. Домой вернулась с мокрой спиной и болью в ноге, будто проехала не несколько километров, а половину страны.

Потом были короткие знакомые маршруты. Аптека, школа, магазин, мама. Каждый новый поворот сначала репетировался в карте. Яна могла заранее посмотреть вид перекрёстка, увеличить въезд во двор и всё равно проехать мимо, потому что навигатор произнёс команду слишком поздно. Иногда Лёша подсказывал, но чаще просто сидел рядом. Он ещё не имел права водить и не изображал инструктора; только первым научился отличать, когда мать действительно не понимает дорогу, а когда ей нужно, чтобы никто не разговаривал.

Олесю нужно было забирать после поздних занятий. Лёшу — возить на дополнительные курсы и в автошколу, хотя до собственных прав ему оставалось ещё несколько месяцев. Глеб учился в школе, ходил в художественную и театральную студию в разных частях города. Иногда Нору требовалось показать ветеринару; автобус с крупной маламуткой Яна даже не рассматривала.

Первые недели она ездила только по самым простым маршрутам. Могла сделать лишний круг, лишь бы не сворачивать в узкий двор. Перед сложным поворотом заранее выключала музыку. Если сзади сигналили, ладони становились мокрыми, но Яна уже не бросала машину посреди дороги и не звонила брату с просьбой приехать.

Потом маршруты запомнились. Яна знала, где вечером собирается пробка, у какой школы можно на несколько минут встать с аварийкой и возле какого входа Олеся обычно выходит, даже если пишет просто: «Я там же».

— Ты очень аккуратно ездешь, — однажды сказал Лёша.

Он сидел рядом и внимательно следил за дорогой. С тех пор как начал учиться в автошколе, стал замечать каждое её движение за рулём.

— Спасибо.

— Но на прямой почему-то сразу быстро.

— Я не превышаю.

— Я не сказал, что нарушаешь. Просто быстро.

Яна любила разгоняться там, где дорога была свободной. Скорость с пассажирского сиденья пугала: всё происходило без её участия, и оставалось только упираться ногой в пол. За

рулём она сама прибавляла газ и сама решала, когда отпустить педаль. Правила соблюдала. С тремя детьми, кредитами и старой машиной ей хватало рисков и без дорожных.

Больше всего ей нравилась музыка. Не радио и не старые Маратовы подборки. Своя — странная, иногда резкая, иногда одна и та же песня несколько дней подряд.

Глеб был единственным, кто не просил переключить.

— Сначала, — говорил он, если садился в машину на середине любимого трека.

— Она только закончилась.

— Именно. Я пропустил начало.

Яна запускала снова. Он пел вместе с ней, придумывал второй голос и сбивался в тех же местах. Иногда Лёша с заднего сиденья просил их хотя бы не повторять припев шестой раз, но к последней строке всё равно начинал подпевать.

Через несколько дней Олеся спросила, почему мать всегда сама садится за руль, даже если устала.

— А кто ещё? — ответила Яна.

Вопрос прозвучал без горечи. Другого водителя действительно не было. Олеся не хотела учиться, Лёша ещё только занимался в автошколе, Глеб пока мог управлять разве что семейными спорами. Яна знала все их расписания, помнила, где можно остановиться у каждого здания, и автоматически рассчитывала дорогу между двумя созвонами.

Иногда дети могли доехать сами. И ездили. Но Марат почти всегда забирал их, если было поздно, холодно, шёл дождь или в руках оказывалось что-нибудь тяжёлое. После его смерти Яна старалась сохранить хотя бы эту часть прежней жизни. Ей казалось, что детям и так пришлось потерять слишком много.

Поэтому она ехала. Даже когда после последнего адреса сил хватало только заглушить двигатель и ещё немного посидеть во дворе.

Но в июле в этом привычном движении стало появляться что-то ещё. Иногда, высадив последнего ребёнка, Яна не сразу выбирала кратчайший маршрут домой. Могла проехать вдоль реки, хотя там было на два светофора больше, или остановиться на пустой парковке и дослушать песню. Это всё ещё не называлось прогулкой. Прогулка предполагала свободное время, а его у неё не было. Просто между чужими адресами иногда оставались несколько минут, которые пока никому не принадлежали.

Однажды после вечерней репетиции Глеб спросил:

— А куда бы ты поехала, если бы никого не надо было везти?

— Домой.

— Нет. Если бы совсем никого.

Яна включила поворотник и перестроилась перед перекрёстком.

— Не знаю.

— Странно. Ты же всегда знаешь дорогу.

Она хотела объяснить, что знать, как добраться до нужного места, и знать, куда тебе самой хочется, — разные задачи. Но фраза показалась слишком готовой для обычного вопроса из темноты.

— Вот когда никто не понадобится, тогда и проверим, — сказала она.

Глеб принял ответ. Попросил включить песню сначала и запел раньше первой строки. Яна тоже запела, а на следующем перекрёстке вдруг заметила дорогу, по которой никогда не ездила.

Глава 10. Свет у дороги

Через несколько дней Яна отвезла Глеба на репетицию и по дороге домой проехала нужный поворот.

Она заметила это не сразу. На светофоре посмотрела направо, увидела знакомую аптеку и поняла, что двор остался позади. Можно было развернуться через квартал. Яна включила поворотник, но не перестроилась.

Работа подождёт десять минут. Дети все были заняты. Никого не требовалось забирать, корм для Норы заказан, бензина чуть больше половины бака.

Яна поехала прямо.

Сегодня в машине было тихо. Яна ехала одна, и дорога после знакомого перекрёстка быстро стала незнакомой. Дома редели. Между ними появлялись пустые участки, старые деревья, небольшие склады. Солнце проходило через листья и короткими пятнами ложилось на лобовое стекло.

У обочины стояло почти засохшее дерево. Голые ветки тянулись вверх среди густой зелени, и Яна сразу увидела фотографию, которой ещё не было.

Остановиться рядом оказалось негде. Она проехала мимо, потом заметила небольшой магазин с пустой парковкой и свернула туда.

Несколько минут Яна просто сидела. От дома она уехала всего на пятнадцать минут, но уже чувствовала себя так, будто нарушила расписание. Телефон лежал экраном вниз. Рабочие сообщения никуда не исчезнут. Глеб закончит репетицию только через два часа.

Яна вышла из машины с телефоном. До дерева пришлось идти обратно вдоль дороги. Через несколько десятков шагов заболела спина, и она остановилась, сделав вид, что проверяет экран. Рядом проехал грузовик, поднял пыль.

С этого места дерево выглядело иначе. В кадр попадал дорожный знак, часть забора и провод над ветками. Яна сделала несколько снимков. На одном знак оказался слишком заметным. На другом солнце выбелило половину неба. Третий был обычным и почему-то нравился больше остальных.

Она вернулась к машине медленно. Села, выпила воды, открыла фотографию ещё раз. Исправлять горизонт не стала.

Дома Яна перенесла снимки на компьютер. На одном мониторе открылась рабочая почта, на другом — фотография дерева. Почту она закрыла первой.

В нижнем углу кадра оставалась светлая полоска дороги. Ветка пересекала провод, знак стоял чуть криво. Хорошей фотографией Яна её не называла. Просто не хотела удалять.

Она создала папку и назвала датой.

На полке над столом стоял старый фотоаппарат. Яна покупала его ещё при Марате, долго выбирала между двумя моделями, читала обзоры и в итоге взяла ту, что была дешевле. Первые месяцы снимала детей почти каждый день: Олесю возле окна, Лёшу с разобранной игрушкой, Глеба в картонной короне. Потом памяти на карте стало не хватать, аккумулятор садился всё быстрее, а телефон всегда оказывался ближе.

После смерти Марата фотоаппарат лежал в ящике. Яна несколько раз доставала его, заряжала и снова убирала. Камера требовала двух рук, отдельной потёртой сумки и решения, что сегодняшний момент стоит всех этих движений. Телефон позволял снять между сообщениями, не признаваясь даже себе, что она остановилась ради фотографии.

Теперь Яна достала камеру, протёрла экран краем домашнего платя и включила. На карте оставались старые кадры с лета перед смертью Марата. Марат сидел возле машины, закрыв глаза от солнца; Глеб держал Нору за шею; Лёша отворачивался, потому что не хотел фотографироваться. Яна быстро пролистала до пустого места, не удаляя ни одного снимка.

Аккумулятор показывал одну полосу. Она поставила его заряжаться и вернулась к дереву на мониторе.

Телефонная фотография была технически хуже тех, которые камера могла сделать даже в автоматическом режиме. Но дерево уже случилось. Другой свет, другой день и хороший объектив не вернут ей ту секунду, когда она впервые проехала нужный поворот и не развернулась.

Яна открыла программу обработки. Выпрямила горизонт, посмотрела и вернула как было. Убрала дорожный знак — кадр сразу стал чище и неинтереснее. Вернула знак тоже. Чуть снизила яркость неба, добавила контраста веткам и остановилась.

Ей всё время казалось, что существует момент, после которого фотография становится правильной. Нужно только дольше посидеть, найти урок, повторить чужие настройки, убрать всё случайное. Но каждый раз вместе со случайным исчезало то, ради чего Яна подняла телефон.

В дверях появился Лёша. Посмотрел на два монитора.

— Ты работаешь?

— Уже нет.

— Тогда почему сидишь с таким лицом?

— Обрабатываю.

Он подошёл ближе. Яна показала исходник, затем вариант без знака.

— Без знака лучше.

— Почему?

— Ничего не мешает.

— Вот именно.

— Ты спросила.

— Я показывала.

Лёша кивнул, совершенно не обидевшись.

— Тогда со знаком.

— Потому что я так сказала?

— Потому что ты всё равно его вернула.

Он ушёл на кухню, а Яна сохранила фотографию отдельным файлом.

* * *

Через несколько дней пошёл дождь. Яна ждала Глеба возле школы и смотрела, как за каплями на стекле расплываются красные огни машин. Подняла телефон, сняла мокрое стекло, край руля и свет впереди.

Раньше дорогу на её фотографиях было видно с пассажирского места.

Теперь руль оставался в кадре у неё под рукой.

Дома дети рассматривали снимок по очереди.

— Дерево как дерево, — сказал Глеб.

— Ты очень поддерживающий человек.

— Я не сказал, что плохо. Просто ты остановилась ради него у дороги, и я ждал драматизма.

Лёша увеличил фотографию на экране, посмотрел на провод над ветками и на светлую полосу асфальта.

— Мне знак мешает.

— А мне нет.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Я не спрашиваю. Показываю.

Олеся выбрала другой кадр, где солнце выбелило часть неба.

— Этот красивее.

Яна вернулась к тому, который отметила сама. Он не был самым ясным, ровным или эффектным. В нём просто оставалось то мгновение, ради которого она проехала лишний поворот.

Когда-то знакомая сказала ей: «У тебя красивый взгляд, только техники не хватает». Яна запомнила вторую половину. Иногда открывала курсы, читала о выдержке и композиции, сохраняла уроки. Потом смотрела фотографии преподавателей и понимала: они умеют правильно. Ей же нравились кадры, в которых кусок предмета не помещался, горизонт едва уходил в сторону, а главное оказывалось не по центру.

Технику она хотела знать. Чужими глазами видеть не хотела.

В воскресенье Глеб всё-таки потребовал отвезти его к тому самому дереву. Взял альбом, три карандаша и забыл ластик.

— Я буду рисовать, а ты фотографировать. Семейный пленэр.

— До дерева идти от парковки.

— Я понесу воду.

Он действительно нёс — первые сто метров. Потом попросил поменяться на альбом, потому что бутылка «неудобно бьёт по ноге». Яна согласилась, хотя альбом оказался тяжелее.

На месте ветер переворачивал листья. Глеб сел в машине, опустил окно и начал рисовать оттуда. Яна сделала несколько шагов вдоль обочины, остановилась, вернулась ближе. Сегодня свет был другой, дерево выглядело плоским, и ни один кадр ей не понравился.

— В прошлый раз было лучше, — сказала она.

— В прошлый раз меня не было. Логично.

— Ты сейчас себя к освещению приравнял?

— Я влияю на атмосферу.

Он включил их песню на телефоне. Яна сделала ещё один снимок — Глебова рука с карандашом в открытом окне, край альбома и сухие ветки впереди. Именно его она позже сохранила.

Обратно они пели. На сложном перекрёстке Глеб сам убавил музыку и замолчал, пока Яна не перестроилась. Потом включил громче, будто паузы не было.

Через несколько дней Яна опубликовала фотографию дерева. Без длинного текста — только дату и короткое: «Проехала чуть дальше».

Поставили несколько сердец. Один человек написал, что кадр грустный, другой спросил, где это. Яна ответила на вопрос и не стала объяснять настроение фотографии. К вечеру публикация ушла вниз ленты.

Она не удалила её.

На следующий день публикацию отметила женщина, с которой Яна несколько лет назад пересекалась по работе. Они почти не общались, только поздравляли друг друга с праздниками и иногда ставили сердца под семейными фотографиями.

«Я тоже всё время проезжаю дальше, когда не хочу домой», — написала женщина.

Яна перечитала сообщение дважды. Можно было ответить: «Я как раз хотела домой». Можно было объяснить, что речь не о побеге, а всего лишь о дереве и свободных двух часах до конца репетиции. Вместо этого она написала:

«А я раньше не проезжала».

Женщина поставила сердце и больше ничего не добавила.

Этого оказалось достаточно, чтобы фотография перестала быть только файлом с датой. Не стала значительной и не изменила ничью жизнь. Просто один чужой человек увидел в ней своё движение, а Яна впервые не стала исправлять его прочтение.

* * *

Через неделю она снова поехала одна — уже не случайно. Выбрала дорогу за городом, где на карте была отмечена небольшая площадка у реки. Собиралась провести там полчаса, но

не нашла удобного съезда и проехала дальше. Раньше это испортило бы всю поездку. Теперь Яна остановилась у поля, поставила машину так, чтобы потом не сдавать между деревьями, и достала фотоаппарат.

Свет оказался обычным. Серое небо, высокая трава, белая машина у далёкого дома. Яна сделала семь кадров, ни один не понравился, выпила воду и вернулась.

Дома папка всё равно получила дату.

В тот вечер она впервые открыла сайт с домиками. Просто посмотреть, где можно было бы оказаться дальше, чем в сорока минутах от города, и не возвращаться до темноты.

Глава 11. Один гость

В июле Яна открыла сайт с домиками и поставила количество гостей — один.

Сначала там стояло четыре. Она нажала на минус три раза и несколько секунд смотрела на цифру.

Один гость.

За взрослую жизнь Яна им не была. Дети ездили с ней всегда. Марат иногда уезжал с друзьями, Яна — никогда. Она не снимала номер на выходные, не уходила вечером гулять одна и не исчезала из дома хотя бы на сутки. Даже когда очень уставала.

Особенно когда очень уставала. В такие дни проще было никуда не ехать, закрыть дверь своей комнаты и продолжить работать в наушниках. За дверью всё равно кто-то ходил, просил зарядку, ставил чайник, выводил Нору.

Сначала Яна искала дом для четверых. Проверяла отдельные спальные места, читала, есть ли рядом магазин, можно ли с собакой и куда поставить машину. Глебу нужен был бы стол для рисования, Лёше — устойчивый интернет, Олеся — розетка возле кровати. Через десять минут Яна снова выбирала не место, а небольшую семейную систему, которую предстояло собрать, привезти, накормить и увезти обратно.

Количество гостей уменьшила не сразу. Сначала с четырёх до трёх: Олеся могла остаться дома. Потом до двух: один из мальчиков тоже мог остаться дома. Цифра «один» появилась только с третьей попытки.

Сайт тут же предложил варианты меньше и дешевле. Небольшие дома с одной кроватью, чашками на двоих и крыльцом, где стояли два одинаковых стула. Яна поймала себя на раздражении: даже жильё для одного человека почему-то всё равно предполагало второго, который просто пока не вписан в бронь.

Яна нашла небольшой дом примерно в двух часах езды. Сначала отметила фильтр «бассейн». Ей хотелось утром открыть дверь и увидеть воду, хотя плавать она не умела. Потом увидела цену и убрала фильтр.

Остановилась на самом дешёвом варианте, где на фотографиях всё выглядело чисто и просто. Две ночи. Одна казалась бессмысленной: только доехать, испугаться и начать собираться обратно.

Сумма за две ночи помещалась на карте, но не помещалась в её представлении о допустимом. Эти деньги не появились случайно. Яна отложила их из последней выплаты, не успев распределить до конца: часть на бензин, часть на лекарства, остальное на мелкие обязательные расходы, которые в семье возникали быстрее, чем их записывали. Домик означал, что несколько недель придётся внимательнее смотреть на остаток и не заказывать еду в дни, когда можно обойтись тем, что есть дома.

Она открыла календарь платежей. Ближайшие списания проходили. Таблетки оставались. Корм для Норы был заказан. Ничего из обязательного не требовало именно этой суммы сегодня.

От этого бронь не становилась разумной. Просто переставала быть невозможной.

До оплаты Яна неделю возвращалась к одной и той же странице. Выбирала даты, считала бензин, проверяла условия отмены, читала отзывы о чистоте, парковке и дороге после поворота с трассы.

Лида слушала её расчёты по телефону.

— Ты хочешь туда поехать?

— Хочу.

— Тогда почему мы обсуждаем ширину ворот?

— Потому что мне в них въезжать.

— Хорошо. Ворота нормальные. Что дальше?

— Там две ночи. Это деньги.

— Да.

— Бессмысленная трата.

— Тогда не езжай.

Яна замолчала.

— Вот, — сказала Лида. — Тебе уже не нравится этот вариант.

Больше она не уговаривала. После разговора Яна снова открыла фотографии домика, ввела данные карты и нажала кнопку оплаты.

Платье за семь тысяч было первой заметной покупкой только для себя. Домик стал второй. От этой мысли хотелось немедленно отменить бронь, но Яна убрала телефон.

Через пять минут достала снова и открыла условия отмены. До определённой даты можно было вернуть всю сумму. Яна поставила напоминание за день до неё, будто заранее оставляла себе аварийный выход.

— Только не начинай теперь искать причину, — сказала Лида, когда Яна прислала подтверждение.

— Я не ищу.

— Ты уже написала, что на той неделе обещают дождь.

— Это информация.

— А ещё, что у дома нет бассейна, интернет может быть слабым и ворота на фотографии узкие.

— Они действительно узкие.

— Если пойдёт дождь, будешь смотреть на дождь. Если не будет бассейна, не станешь в нём плавать, что ты и так не умеешь. С воротами разберёшься на месте.

— Очень простой мир у тебя.

— Нет. Просто я не помогаю тебе отменить то, что ты уже выбрала.

После звонка Яна удалила напоминание.

Детям сообщила вечером.

— Одна? — переспросил Лёша.

— Я еду одна.

— Можно было указать двоих, — сказал Глеб.

— Можно. Я указала одного.

— А если машина сломается?

— Позвоню.

— Кому?

— В службу помощи, Андрею или хозяйке дома.

— Папа бы тебя одну не отпустил.

Лёша резко повернулся к брату, но Яна ответила раньше:

— Не решай за папу. И за меня тоже.

Глеб ушёл в ванную, хлопнув дверью. Через минуту крикнул, что Нора остаётся с ним.

— Нора остаётся дома, — сказала Яна.

— Это я и сказал.

Олеся закрыла старый ноутбук. Батарея давно не держала, крышку приходилось опускать осторожно, а зарядка работала только под определённым углом.

— Тебе он нужен на выходные? — спросила Яна.

— Нужен, но бери. Основное я закончу сегодня. Только провод не дёргай.

— Я еду отдыхать.

Все трое посмотрели на неё.

— Тогда зачем ноутбук? — спросил Лёша.

— На случай чего-то срочного.

— Срочное знает твой номер телефона.

Ноутбук Яна всё равно взяла.

Глеб не успокоился. На следующий день спросил, можно ли хотя бы приехать за ней во вторую ночь. Лёша проверил адрес на карте и сообщил, что ближайший сервис находится в двадцати семи километрах. Олеся ничего не спрашивала, но дважды напредила сохранить номер хозяйки не только в переписке, а в контактах.

Яна отвечала каждому отдельно. Нет, Глеб не приедет. Да, сервис далеко, но машину недавно проверяли. Да, номер сохранён. Чем дольше они обсуждали поездку, тем сильнее она начинала походить на семейный проект, руководителем которого снова назначили Яну.

Вечером она сказала:

— Всё. Больше не готовимся к моей поездке. Я взрослая, вы тоже почти все взрослые. Два дня переживём.

— Я не почти взрослый, — возразил Глеб.

— Ты единственный, кому это сейчас выгодно помнить.

Он обиделся, но через час принёс ей зарядный провод и положил рядом с сумкой.

— Этот нормальный. Твой отходит.

— Спасибо.

— Я всё ещё против.

Яна обняла его. Глеб постоял неподвижно, затем прижался щекой к её плечу.

— Просто если тебе там будет хорошо, ты потом ещё уедешь.

Вот чего он боялся. Не поломки и не плохой связи.

— Возможно, — сказала Яна.

Он отстранился.

— Очень утешительно.

— Я вернусь и в следующий раз тоже. Уехать на два дня — не значит уйти от вас.

— Папа уехал на работу.

Шутки закончились. Яна провела ладонью по его волосам, но Глеб сразу поправил причёску.

— Я знаю. Поэтому можешь звонить. Даже ночью. Но сначала посмотри, что я отвечаю.

Он кивнул. Этого было недостаточно, чтобы перестать бояться. Достаточно, чтобы больше не просить её отменить бронь.

Еду заказала доставкой: лапшу быстрого приготовления, пюре в пакетиках, хлеб, сыр, любимый кофе и воду с газом. Готовить в домике она не собиралась. Кухня там была, на фотографиях даже стояла сковорода, но ехать одной, чтобы потом обслуживать себя на чужой кухне, казалось особенно глупым способом отдыха.

За заказом спустились мальчики. Глеб поднял пакеты и начал перечислять содержимое.

— Лапша, пюре, кофе. Очень насыщенная программа.

— Мне хватит.

— Там есть мангал.

— Можешь приехать после меня и пожарить себе всё, что хочешь.

— Одному?

— Вот видишь, не так просто.

Из одежды Яна положила бельё и ночную рубашку. Потом открыла шкаф и достала светлое платье с красными цветами.

Надевать его было некуда. В домике её никто не увидит. Сфотографировать тоже некому.

Она сложила платье сверху.

Фотоаппарат и два объектива заняли больше места, чем вся одежда. Один объектив был установлен на камере, второй Яна уложила рядом с запасным аккумулятором, зарядкой, ста-

рой картой памяти и маленькой салфеткой. Потом достала камеру, оставила телефон и снова поменяла их местами. В домике можно было снимать на телефон. Фотоаппарат делал поездку серьезнее, будто она собиралась не просто переждать две ночи, а увидеть что-то, ради чего стоило брать отдельную сумку.

В итоге камера осталась.

Ноутбук тоже.

Олеся увидела, как Яна ставит его возле двери, и ничего не сказала. Только принесла удлинитель.

— В старых домах розетки всегда не там.

— Я не обязательно буду работать.

— Конечно. Поэтому тебе нужен удлинитель для отдыха.

В последнюю ночь перед отъездом Нора пришла в Янину комнату раньше обычного. Дверь была приоткрыта, и маламутка протиснулась внутрь, постояла возле кровати, потом тяжело поднялась на свободную половину. Матрас просел. Яна подвинула сумку с ног и освободила собаке место.

При жизни Марата Нора спала где придётся: у входной двери, в проходной комнате между детьми, иногда возле Яниной кровати. После его смерти она начала приходить почти каждую ночь. Сначала ложилась на пол с той стороны, где Яна вставала, потом однажды забралась на кровать и заняла пустую половину так уверенно, будто место всё это время сохраняли для неё.

Нора была слишком большой, от неё становилось жарко, шерсть оставалась на покрывале и одежде. Иногда среди ночи она вытягивалась поперёк, упиралась лапами Яне в бок и заставляла двигаться к краю. Яна ворчала, сталкивала тяжёлые лапы и всё равно не прогоняла.

В самые плохие ночи собака просыпалась вместе с ней. Не утешала и не делала ничего особенного — просто поднимала голову, проверяла, что Яна осталась рядом, и снова клала морду на матрас. В квартире были дети, за стеной кто-то переворачивался, шёл в ванную, открывал холодильник. Но именно Нора не позволяла пустой половине кровати снова стать пустой.

Теперь собака положила голову Яне на живот и закрыла глаза. Яна перебирала серую шерсть между ушами и впервые подумала, что оставляет дома не только детей. Две ночи ей предстояло спать совсем одной — без человека рядом, без тяжёлого собачьего бока, без живого существа, которое после смерти Марата каждый раз выбирало именно её.

— Ты остаёшься, — тихо сказала Яна.

Нора открыла глаза и придвинулась ближе.

* * *

В день отъезда Яна ещё раз прошла по квартире. Проверила окна и плиту, оставила детям деньги и номер хозяйки. Олеся слушала вполуха: у неё на экране загружалась учебная работа. Лёша повторял, что всё понял, а Глеб добавлял к каждому правилу исключение.

— Если что-то срочное, звоните.

— Мы знаем.

— Не только пишите. Звоните.

— Мам, ты едешь в двух часах отсюда, а не на полярную станцию, — напомнила Олеся. Яна обняла каждого. Глеб сначала стоял прямо, потом всё-таки обхватил её за плечи.

— Два дня — это долго.

— Это две ночи.

— Ночами время ещё длиннее.

— Я вернусь.

Нора поняла всё раньше детей. Услышала ключи, увидела сумки и встала у входной двери. Когда Яна открыла её, собака выскользнула на площадку, дождалась хозяйку на повороте лестницы и первой добежала до машины.

— Домой, — позвал Лёша.

Нора сунула нос к водительской двери. Яна открыла багажник, и маламутка запрыгнула внутрь, развернулась среди вещей и просунула голову между сиденьями, проверяя, не сядет ли Яна за руль.

— Ты остаёшься.

Нора прижала уши.

— Она не согласна с одним гостем, — сказал Глеб.

Вытаскивать собаку пришлось вдвоём с Лёшей. Нора упиралась, потом пошла к дому, всё время оглядываясь на Яну. У двери села и не двигалась, пока Яна не подошла, не обняла её за шею и не повторила:

— Я вернусь через два дня.

Когда собаку увели в квартиру, Яна села за руль и несколько секунд смотрела на окна. Можно было выйти, сказать, что передумала, и никто не удивился бы.

Она завела двигатель.

Глава 12. Домик

Навигатор показывал чуть меньше двух часов.

Первые двадцать минут Яна прислушивалась к машине. Не изменился ли звук двигателя, не загорелся ли новый значок, хватит ли бензина до следующей заправки. Потом город закончился, дорога стала свободнее, и она включила музыку.

Одну песню повторила три раза. Никто не попросил сменить. На четвёртом припеве Яна поняла, что сама разговаривает вслух — не по телефону, а просто комментирует навигатор и чужие манёвры.

— Очень удачно перестроился, — сказала она водителю впереди. — Особенно без поворотника.

Собственного голоса в пустой машине она не испугалась. Сделала музыку громче.

На заправке купила кофе. Увидев цену, попросила маленький стакан, но маленький стоил почти столько же.

— Тогда большой. Разница всё равно уже обидная.

Девушка за кассой засмеялась. Яна выпила половину возле машины и отправила детям фотографию стакана на капоте. Глеб ответил, что Нора лежит у входной двери и демонстративно не замечает остальных.

Дальше дорога сузилась. Навигатор предложил поворот, которого Яна сначала не увидела. Она проехала мимо, развернулась у магазина и вернулась. Асфальт закончился через несколько сотен метров. По краям поднялась трава, две машины здесь разошлись бы с трудом.

Яна ехала медленно и повторяла себе, что всегда можно вернуться. Сдавать назад по такой дороге она не хотела, но впереди уже показался забор и небольшая табличка с номером дома.

Она остановилась, заглушила двигатель и несколько секунд сидела, положив ладони на руль. В салоне оставался запах кофе, на пассажирском сиденье лежал фотоаппарат. За воротами никто не ждал, что Яна сейчас раздаст поручения или примет решение.

Вещей было мало: небольшая сумка, пакет с едой, старый ноутбук Олеси, вода и фотоаппарат. Яна решила унести всё сразу. Перекинула ремень камеры через плечо, ноутбук прижала к боку, сумку и пакет взяла в руки. Получилось тяжело и неудобно, но возвращаться к машине ещё раз было бы тяжелее.

До крыльца было меньше тридцати метров. Яна дошла за один раз, поставила вещи у двери и долго восстанавливала дыхание.

Ключ лежал в коробке с кодом. Цифры на солнце было плохо видно. Яна села на ступеньку, открыла сообщение хозяйки и только с третьей попытки справилась с крышкой.

В доме помещались кровать, диван, маленькая кухня и стол у окна. Всё выглядело чуть меньше, чем на фотографиях. Яна занесла вещи, закрыла дверь, проверила замок и написала детям: «Доехала».

Кровать стояла боком к окну. Одна широкая, без обозначенных половин. Яна положила сумку с той стороны, где дома спала сама, потом переставила на другую. Здесь не было Мара-това места, которое заняла Нора. Вообще ничьего места не было. От этого кровать казалась не пустой, а просто большой.

Глеб позвонил сразу.

— Там точно есть связь?

— Ты сейчас со мной разговариваешь.

— Она может пропасть ночью.

— Тогда появится утром.

Он попросил показать дом. Яна включила видео и медленно провела телефоном по комнате. Глеб раскритиковал маленький телевизор. Лёша спросил, закрывается ли дверь. Олеся увидела ноутбук на столе.

— Ты уже его поставила?

— Я просто принесла.

— Конечно.

За их спинами Нора услышала Янин голос и побежала к входной двери. Пришлось закончить звонок, чтобы собака перестала ждать её у двери.

После звонка тишина стала другой. Пока дети говорили одновременно, домик оставался продолжением их квартиры: Глеб критиковал телевизор, Лёша проверял замок, Олеся следила за ноутбуком, Нора искала Яну у двери. Когда экран погас, всё это исчезло сразу.

Яна села на кровать. Никто не положил тяжёлую голову ей на колени и не вздохнул так, будто хозяйка опять устроилась неудобно. Она протянула руку к пустому месту, поймала себя на движении и убрала ладонь.

Яна разложила продукты, проверила ванную, сфотографировала старую трещину возле раковины и скол на чашке. Платье повесила на единственные плечики. Ночная рубашка и бельё заняли один маленький ящик. Вся одежда для двух ночей уместилась легче, чем ноутбук.

Вот и всё.

Она приехала.

Несколько минут Яна стояла посреди комнаты и не знала, что делать дальше. Можно было сварить кофе, лечь, включить сериал, открыть ноутбук или выйти с фотоаппаратом. Ни один вариант не был нужнее другого.

В конце концов она взяла камеру. За калитку не пошла. Сняла светлую полосу на деревянной стене, высокую траву, сухую ветку над крышей и два пластиковых стула на крыльце. На одном тень от перил делила сиденье пополам.

Сначала Яна снимала стоя. Через несколько минут заболела поясница, и она села на верхнюю ступеньку. Оттуда мир оказался ниже: трава перекрывала соседний забор, светлая полоса на стене стала шире, а ножки пластиковых стульев уходили в тень. Яна поставила камеру на колено, подождала, пока дыхание выровняется, и сделала ещё несколько кадров.

В инструкции к домику было написано, что за участком начинается прогулочная тропа. На фотографии она выглядела ровной и широкой. Яна нашла калитку в дальнем углу, открыла и увидела узкую дорожку, уходившую вверх между деревьями.

Прогулку можно было оставить на завтра.

Она закрыла калитку без чувства поражения. Завтра у неё был целый день, и впервые никто не мог назначить его раньше неё.

Вернувшись, Яна залила лапшу кипятком и сделала кофе. Кофе получился слишком крепким, лапша — слишком мягкой. Переделывать ничего не стала.

Старый ноутбук включился со второго раза. Зарядка замигала, Яна подложила под штекер сложенную салфетку, как показывала Олеся. В рабочих чатах лежало несколько сообщений и один вопрос, на который она могла ответить за пять минут.

Она ответила.

Потом появился второй вопрос — не к ней, но Яна знала, что написать. Палец уже лежал на клавиатуре, когда Сергей ответил сотруднику сам и добавил, что остальное обсудят в понедельник.

Яна закрыла чат. Ноутбук оставила раскрытым: крышка могла снова заесть.

Сергей написал отдельно:

«Доехала?»

«Да».

«Тогда закрой всё».

Яна сфотографировала ему раскрытый ноутбук, кружку и лапшу.

«Я вижу, что ты отлично поняла половину задания».

«Он старый. Если закрыть, может не включиться».

«Пусть боится».

Яна поставила смеющийся знак и больше в рабочий чат не заходила. Отдыхать она не научилась. Просто после Сергеевой реплики каждое новое сообщение пришлось бы открывать уже сознательно, без удобного объяснения «я только проверила».

Она пошла в душ, пока ещё было светло. В маленькой ванной некуда было положить одежду, и Яна оставила её на закрытой крышке стиральной машины. Дома она всегда слушала квартиру даже под водой: не звонит ли телефон, не стучат ли дети, не скребётся ли Нора в дверь. Здесь вода шумела слишком громко, но перекрывать ей было нечего.

Яна мыла волосы медленно. Не сэкономила горячую воду из страха, что после неё кому-то не хватит, не торопилась освободить ванную. Потом вытерлась, завернулась в полотенце и вышла в комнату, не проверяя, закрыта ли дверь. Посреди комнаты остановилась.

Она была одна. Можно было пройти от ванной до кровати в полотенце, белье или совсем без одежды, и ни один взгляд не заставил бы заранее втянуть живот, прикрыть грудь, ускорить шаг. Яна всё равно оделась сразу. Привычка не исчезала от закрытой двери. Но впервые стала видимой.

В зеркале у входа отражалась почти вся комната. Яна посмотрела на мокрые волосы, тяжёлые руки, красную после душа кожу. Не понравилась себе и не стала отворачиваться немедленно. Расчесала волосы, подкрасила губы гигиенической помадой и пошла делать ещё кофе.

К вечеру тишина перестала казаться свободой и стала просто тишиной. Яна несколько раз брала телефон, открывала семейный чат и закрывала, ничего не написав. Дети не звонили. Значит, справлялись.

За окном медленно менялся свет. Сначала солнечный прямоугольник переполз со стены на пол, потом исчез. По дороге прошла женщина с пакетом, где-то за соседним забором включили воду. Яна слышала чужую жизнь, но не должна была в неё включаться.

Мимо калитки проехала машина, и Яна автоматически прислушалась: не её ли дети. Только через секунду вспомнила, что они не знают кода от ворот и не собирались приезжать. Телефон молчал.

Она разогрела вторую половину лапши, добавила сыр прямо в пластиковую миску и ела на кровати. Дома крошки пришлось бы сразу убрать из-за Норы. Здесь одна упала на покрывало и осталась лежать. Яна смотрела на неё несколько секунд, потом всё-таки стряхнула.

Даже в одиночестве она продолжала быть человеком, который убирает крошки. Это почему-то успокоило.

Она сделала ещё кофе и вынесла на крыльцо. Второй стул стоял слишком близко; Яна отодвинула его к стене, чтобы удобнее вытянуть ноги. Через пять минут вернула обратно. Не из-за символа и не потому, что ждала кого-то. На пустой стороне крыльца просто падал красивый свет.

Она снова открыла ноутбук, создала новый документ и написала:

«Я всю жизнь была одна. И никогда раньше не оставалась одна».

Фраза выглядела слишком законченной. Яна не стала её исправлять.

В социальной сети выбрала фотографию пустого стула и подписала: «Уехала одна. Впервые».

Через минуту открыла публикацию снова. Два сердца, один комментарий: «Красиво».

Яна хотела дописать, что ей страшно, что она не знает, зачем приехала и что дом оказался без бассейна. Набрала несколько строк, перечитала и стёрла.

Публикацию оставила.

Перед сном Яна всё-таки проверила семейный чат. Олеся прислала фотографию ужина. Лёша — пустой контейнер из-под корма. Глеб снял Нору на Яниной кровати: собака лежала поперёк обеих половин и смотрела прямо в камеру.

«Она заняла всё», — написал он.

Яна увеличила фотографию. На подушке осталась вмятина от тяжёлой лапы, на покрывале лежала её домашняя кофта.

«Пусть спит», — ответила она.

Ночью рядом всё равно никто не дышал. Яна положила вторую подушку ближе, потом рассердилась на себя и отодвинула. Легла посередине кровати, раскинув руки так, как дома не могла ни при Марате, ни после, когда Нора начала занимать свободную половину.

Лежать было удобно и страшно.

Глава 13. Не плохо

Дом ночью не молчал.

Гудел холодильник, щёлкало дерево, ветка касалась крыши. Каждый звук сначала заставлял Яну прислушиваться, потом напоминал: кроме неё здесь никого нет.

Она вышла на крыльцо с фотоаппаратом. За городом звёзды были видны лучше. Яна поставила камеру на перила, попробовала одну выдержку, затем другую. На первом снимке получилось почти чёрное небо. На втором звёзды растянулись светлыми штрихами. Третий выглядел так, будто камера сработала случайно.

Яна открыла инструкцию в телефоне, прочитала первые абзацы и закрыла. Возможно, объектив был недостаточно светосильным. Возможно, она просто не умела снимать небо. В эту ночь не всё обьязано было получиться фотографией.

Она легла поздно и проснулась почти в десять.

Дома дети тоже могли не будить её после ночной работы. Но там всегда текла вода в ванной, кто-то проходил через комнату, Нора тяжело вздыхала у двери. Даже во сне Яна знала, что за стеной есть люди.

Здесь она открыла глаза в тишине.

Сон был немного беспокойным, но не сторожевым. Тело не ждало, что через минуту позовут, попросят отвезти, найти, решить.

Яна лежала и смотрела в деревянный потолок.

Ей было не плохо.

Не то чтобы хорошо. Просто не плохо.

Без Марата. Без детей. Без человека за стеной.

Мысль испугала сильнее ночных звуков.

Она привыкла считать одиночество тем, что случилось с ней в конце февраля. Слово подходило ко всему: к кровати, документам, дороге, деньгам, решениям, которые больше не с кем было разделить. Но сейчас впервые оказалось, что можно быть одной не только потому, что человек умер или никто не пришёл. Можно самой закрыть дверь и выбрать тишину на два дня.

Яна вытянула руку к краю кровати и нащупала холодную простыню. Дома Нора уже ткнулась бы носом в ладонь или недовольно подняла голову, если её разбудили. Здесь никто не выбрал Яну первым. И именно поэтому утро принадлежало ей целиком: никто не оставался рядом из любви, привычки, страха или необходимости. Яна должна была сама решить, что с ним делать.

В этом доме не было пустого места Марата. Он никогда не сидел на диване, не оставлял кружку и не бросал ключи у двери. Здесь никто не должен был вернуться. Наверное, поэтому отсутствие не давило так же, как дома.

Яна сделала кофе и вынесла кружку на крыльцо. Открыла книгу в телефоне, прочитала две страницы и поняла, что ничего не помнит. Вернулась к началу, снова дочитала до конца абзаца.

Раньше она любила читать. Потом научилась быстро проглатывать книги между задачами и почти не оставаться внутри текста. Теперь времени было много, а читать она разучилась.

Телефон завибрировал. Глеб прислал фотографию Норы возле входной двери.

«Она тебя ждёт».

Яна позвонила по видео. Сначала увидела потолок, потом Глебово ухо, затем серую морду. Нора услышала голос, ткнулась носом в экран и сразу побежала к двери.

— Не показывай ей меня, — сказала Яна. — Она думает, что я сейчас войду.

— Я хотел порадовать.

— Ты порадовал себя.

Лёша забрал телефон и сообщил, что всё нормально. Олеся из комнаты попросила передать, чтобы мать не работала. Яна сказала, что уже ответила только на один вопрос.

— Конечно, — отозвалась дочь. — В отпуске всегда существует один вопрос.

После разговора Яна сделала два бутерброда и сфотографировала детям тарелку. Глеб поставил сердце. Лёша прислал «нормально». Олеся написала: «Вот теперь отдыхай».

После разговора с детьми свободный день снова оказался перед Яной целиком. Она могла заняться чем угодно и поэтому долго не делала ничего.

Попробовала смотреть сериал, но через десять минут поняла, что читает рабочее сообщение поверх изображения. Закрыла чат, вернулась к серии, не вспомнила, кто эти люди и почему спорят. Выключила.

Потом открыла книгу. Прочитала главу, вернулась на две страницы назад и снова потеряла нить. В тишине не стало легче сосредоточиться. Наоборот: раньше чтение происходило между шумом, просьбами и делами, а теперь пустое время требовало от неё настоящего внимания.

Яна вышла на крыльцо. Два пластиковых стула стояли рядом. На одном лежала её кофта, второй оставался пустым. Она переставила кофту на перила и села именно на первый, будто выбор места имел значение.

Телефон лежал в доме. Через несколько минут Яна вернулась проверить, не звонили ли дети. Никто не звонил.

Она снова вышла и на этот раз закрыла дверь, оставив телефон внутри.

Яна решила пройти до конца улицы.

Взяла камеру и воду. Первые сто метров шла легко. Потом дорога пошла вверх, спина стала тяжёлой, воздуха не хватало. Возле соседнего забора стояла деревянная скамейка.

Женщина во дворе развешивала бельё. Увидела Яну и кивнула на скамейку.

— Садитесь. Она крепкая.

— Я просто фотографирую.

— Фотографировать сидя не запрещают.

Яна села.

На верёвке двигались светлые простыни, за ними блестела крыша. Женщина поднимала руки, закрепляла прищепки. В одном движении Яна увидела кадр.

— Можно снять? Без лица.

— Бельё?

— Руки и простыни.

Женщина засмеялась.

— Снимайте. Только не делайте из меня деревенскую бабушку с открытки.

Яна сделала несколько фотографий. В одной белая ткань закрывала почти весь кадр, оставляя руку с синей прищепкой и полоску дороги внизу.

Женщину звали Тамара. Она попросила прислать фотографию и через минуту вынесла три тёплых помидора.

— Деньги возьмите.

— Вы мне снимок, я вам помидоры.

— Фотография столько не стоит.

— А помидоры стоят?

Яна не нашла хорошего ответа и взяла пакет.

Тамара присела на другую сторону скамейки. Расстояния между ними было мало, и Яна сначала подобрала юбку, чтобы не коснуться чужого колена.

— Одна отдыхаете? — спросила Тамара.

— Да.

— Хорошо.

Яна ожидала продолжения: мужа, детей, вопроса, не страшно ли. Тамара поправила край простыни на верёвке и больше ничего не спросила.

— Обычно люди говорят «смело», — заметила Яна.

— А что тут смелого? Дом рядом, телефон есть, машина стоит. Вот если бы вы ко мне через лес пешком пришли, тогда да.

— Я даже до конца улицы не дошла.

— И не надо. Там подъём. Я сама хожу только когда почту приносят.

Они посидели молча. Яна восстановила дыхание, Тамара пожаловалась, что вороны расклёвывают клубнику. Разговор не требовал ни исповеди, ни обещания встретиться снова. Через несколько минут Тамара вернулась во двор, а Яна осталась на скамейке одна, с камерой и пакетом тёплых помидоров.

До конца улицы она так и не дошла. Посидела ещё немного, затем вернулась. Дорога наверх осталась за поворотом, но фотографии уже были.

В доме Яна нарезала помидор, посолила прямо на тарелке и съела с хлебом. Обработала один кадр совсем немного и отправила Тамаре.

Ответ пришёл сразу: «Вот это руки у меня старые».

Яна написала: «Обычные руки. Мне нравятся».

Тамара прислала смеющийся знак и попросила вечером показать ещё один вариант.

После обеда Яна снова открыла документ.

Под вчерашней фразой написала:

«Мне одной не плохо».

Сразу захотелось заменить на «терпимо». Так было бы безопаснее. Она оставила как есть.

Потом задала себе вопрос, который до этой поездки старалась не доводить до конца: если бы в девятнадцать лет она знала всё, чем закончится их общая жизнь, осталась бы?

Ответ появился раньше объяснений.

Нет.

Яна написала:

«Если бы я знала, я бы не осталась».

Подумала о детях. Яна знала правильную фразу, которую от неё ожидали: «Я ни о чём не жалею, ведь у меня есть они». После неё полагалось больше ни о чём не спрашивать — ни о жизни до их рождения, ни о том, что было потом.

Яна любила Олеся, Лёшу и Глеба. Любила каждого отдельно, не как итог брака и не как доказательство того, что всё произошло правильно.

И всё равно знала ответ.

Она бы не осталась.

Эти две правды не складывались в красивое предложение. Яна не стала их примирять.

Она долго сидела перед экраном, не двигая курсор. Можно было написать ещё: про страх остаться с ребёнком, про Маратовы колени на полу, про его слёзы и свою руку с полотенцем. Можно было построить из памяти объяснение, почему двадцатилетняя Яна сделала именно так. Но нынешняя Яна слишком хорошо умела объяснять других. Если начать, у Марата найдутся растерянность, молодость и раскаяние; у неё — беременность, отсутствие денег, первая любовь и одиночество. Всё это было правдой и не меняло ответа.

Она бы не осталась.

В комнате жужжал холодильник. На столе лежали два помидора, третий Яна уже съела. Обычный день продолжался после мысли, которая двадцать лет казалась несовместимой с её детьми. Ничего не исчезло. Олеся не стала менее любимой, Лёша и Глеб не превратились в последствия ошибки.

Яна закрыла документ, не сохраняя новых объяснений. Три короткие фразы остались. Для неё, не для будущей книги и не для разговора с детьми.

Закрыла ноутбук и достала платье.

Надела его с тем самым бежевым бюстгалтером, который покупала к Лёшиному выпускному. На крыльцо вышла в нём босиком. Никто не видел. Некому было сказать, что красиво, и некому — что слишком.

Яна сидела на пластиковом стуле, пила кофе и слушала ветер. Потом стряхнула с юбки крошку, переделалась и аккуратно сложила платье.

Вечером она просмотрела все фотографии. Их оказалось двадцать семь. Трава, стена, ветка, машина у калитки, простыни, два стула.

К снимку с пустым стулом Яна возвращалась несколько раз. Спинка обрезана, горизонт чуть наклонён, трава слишком яркая. Тень от перил делила сиденье пополам.

Она поставила звёздочку.

Яна не знала, хорошая ли это фотография. Знала только, что ей хочется открыть её ещё раз.

Перед сном позвонил Глеб. На этот раз без видео.

— Ты завтра точно выезжаешь утром?

— Не рано. До одиннадцати нужно освободить дом.

— Значит, к двум будешь?

— Если не остановлюсь.

— Не останавливайся.

— Я остановлюсь, если устану.

Он шумно выдохнул.

— Ладно. Только напиши.

— Напишу.

— Нора опять у тебя.

— У меня?

— В твоей комнате. Я хотел её позвать, а она легла на кровать и не идёт.

Яна улыбнулась.

— Оставь.

После звонка она легла посередине чужой кровати. Сегодня пустое место рядом уже не требовало ни придвигать подушку, ни отодвигать её. Нора ждала дома. Дети ждали. И всё-таки оставшиеся часы не нужно было пережить как дорогу обратно.

Яна выключила свет и не стала ставить будильник раньше времени выезда.

Глава 14. Возвращение

Утром отъезда Яна не торопилась собираться. Вещей было мало, но она складывала их медленно, проверяла ванную, протирала столешницу, пересматривала фотографии на камере.

Тамара принесла ещё два помидора и пакет яблок.

— В дорогу, — сказала она.

— Я и прошлые не отработала фотографиями.

— Мне одной хватило. Остальные потом покажете, если захотите.

Они попрощались у калитки. Яна подумала, что, скорее всего, больше никогда не увидит эту женщину. От этого короткое знакомство не становилось менее настоящим.

В машине она позвонила детям. Олеся сказала, что они дома. Лёша сообщил, что Нора утром всё-таки поела. Глеб спросил, выехала ли мать уже или опять фотографирует забор.

— Уже еду.

— Наконец-то.

— Я могу развернуться.

— Не можешь. У нас закончился хлеб.

Дорога обратно была знакомой всего один раз, но поворот уже не пугал так, как по пути туда. Яна знала, где асфальт станет неровным, где удобно остановиться и через сколько появится первая заправка.

На трассе она снова пела. Один раз остановилась у поля, хотя не устала. Вышла, сделала два кадра и вернулась. Потратила десять минут и не стала искать им оправдание.

Нора ждала возле старой скамейки во дворе вместе с мальчиками. Увидев машину, завывала, бросилась к водительской двери, потом к Яне и прижалась всем боком.

— Она два дня проверяла лестницу, — сказал Лёша.

— И машину искала, — добавил Глеб. — Я ей не подошёл.

— Ты забывал воду, — сказал Лёша.

— Один раз и ненадолго.

Они сразу начали спорить. Нора положила морду Яне на живот, и Яна смеялась, пока не заболели мышцы.

Когда открыли багажник, собака первой запрыгнула внутрь. Вещей там уже почти не было. Нора развернулась, поняла, что Яна осталась снаружи, и тут же выпрыгнула обратно, прижавшись к её ногам, будто двух дней у двери и одной встречи во дворе оказалось недостаточно.

— Она сейчас уедет обратно без нас, — сказал Глеб.

— Она поедет туда, где мама, — ответил Лёша.

Фраза прозвучала мимоходом. Он уже вытаскивал пакет с помидорами и не заметил, как Яна посмотрела на него.

Нора действительно всегда выбирала её. Не самого удобного человека, не того, кто чаще насыпал корм или дольше гулял. Если открывалась дверь, собака искала Яну. Если рядом стояли две машины, шла к Яниной. Если в маленькой квартире можно было лечь у детей, на прохладном полу или в проходе, ночью всё равно приходила в её комнату.

Яна раньше принимала это как ещё одну ответственность. Теперь впервые почувствовала в собачьем выборе не только просьбу остаться, но и безусловную уверенность: куда бы Яна ни уехала, Нора будет ждать именно её возвращения.

* * *

Дома действительно справились без неё.

Не идеально. На кухне стояла кастрюля с засохшей гречкой, в проходной комнате лежали пакеты, Глеб забыл вынести мусор, а Нора, по словам Лёши, дважды отказалась идти дальше

двора. Но никто не голодал, квартира не сгорела, Олеся закончила работу, мальчики не потерялись.

Яна заметила это не сразу. Сначала проверила холодильник, лекарства и миски. Потом увидела, как Лёша сам ставит новую воду Норе, а Глеб собирает вещи с пола после одного напоминания.

— Вы тут жили, — сказала она.

— Очень смелое наблюдение, — ответила Олеся.

— Без меня.

— Мам, ты отсутствовала два дня.

— Я знаю.

Дочь посмотрела внимательнее и не стала шутить дальше.

Потом дети начали рассказывать, как прожили эти два дня. Не по порядку и не потому, что Яна спрашивала. Олеся показала почти готовую учебную работу и пожаловалась, что зарядка снова отходила. Лёша сообщил, что один раз сварил гречку нормально, а засохшая кастрюля появилась после Глебовой попытки разогреть остатки без воды.

— Я не знал, что она уже впиталась, — объяснил Глеб.

— Вся? — спросила Яна.

— Так бывает.

— Только у тебя.

Нора в первую ночь легла у входной двери и не пошла в Янину комнату, пока все не уснули. Во вторую Глеб обнаружил её на кровати и принёс туда миску с водой, потому что решил, что собака отказывается вставать из принципа. Лёша потом вытирал покрывало.

— Она не из принципа, — сказала Яна. — Она ждала.

— Я тоже ждал, — отозвался Глеб.

— И тебе тоже можно было встать за водой.

Он закатил глаза, но улыбнулся.

У них были свои два дня, которых Яна не видела. Раньше отсутствие в семейной сцене пугало её почти так же, как сама поездка: вдруг что-то случится без неё, а потом окажется, что она уже не знает всех деталей. Теперь дети рассказывали, перебивали друг друга, спорили о гречке, и Яна слушала не отчёт о своём отсутствии, а продолжение их собственной жизни.

На следующий день Яна собиралась начать работу раньше, чтобы компенсировать выходные. Проснулась, не услышав будильника, и сразу нащупала рядом Норин бок. Собака лежала на Маратовой половине, вытянувшись вдоль кровати, и тяжело дышала во сне.

Яна могла осторожно встать. Вместо этого ещё десять минут лежала, положив ладонь на тёплую шерсть.

Сергей написал в девять:

«Ты вернулась?»

«Вчера».

«Отдохнула?»

Яна посмотрела на раскрытый ноутбук Олеси, который так и стоял возле сумки.

«Один рабочий вопрос».

«Я видел».

«Ты сам ответил на второй».

«Именно. Значит, система пережила».

Он прислал две задачи и время общего созвона. Не добавил третью, хотя Яна видела её в общем списке и могла забрать сразу.

«Там ещё текст», — написала она.

«Там ещё люди».

Яна усмехнулась и не стала спорить. До созвона успела разобрать вещи, поставить стирку и показать детям фотографии. Это тоже не было отдыхом, но впервые возвращение не пришлось оплачивать немедленной переработкой.

Вечером Глеб спросил:

— Ты от нас отдыхала?

— Я была одна.

— Это не ответ.

— Иногда мне нужно быть не мамой, не работником и не человеком, который всё решает. Просто одной.

— И тебе понравилось?

Яна могла ответить мягче.

— Да.

Глеб замолчал. Потом взял с тарелки помидор Тамары и откусил.

— Нормальный.

— Очень высокая оценка.

— Я всё равно рад, что ты вернулась.

— Я тоже.

Он ушёл, оставив половину помидора на столешнице. Яна убрала её в холодильник и открыла документ.

Все три фразы оставались на месте.

Она исправила одну опечатку и закрыла файл.

Тамаре Яна отправила четыре фотографии. Две с простынями, одну с рукой и синей прищепкой, ещё одну — почти целиком белую, где по нижнему краю оставалась только полоска дороги.

Ответ пришёл вечером:

«На последней ничего не видно».

Яна написала:

«Мне она нравится больше всех».

Тамара долго не отвечала. Потом прислала:

«Тогда её и оставляйте».

Яна ожидала, что женщина выберет более понятный кадр и попросит обработать руки моложе. Вместо этого Тамара просто вернула ей право решить самой. Яна сохранила переписку рядом с папкой поездки.

Фотографию пустого стула она опубликовала ещё раз — уже без подписи про первую поездку. В кадре не было ни дома, ни Яны, ни доказательства, что она куда-то уехала. Только пластиковый стул, тень от перил и яркая трава.

Откликов оказалось меньше, чем под деревом. Один человек написал: «Пусто». Яна поставила сердце. В этот раз слово точно совпало с фотографией и всё равно не объясняло её целиком.

Перед сном Яна открыла папку с фотографиями. На снимке пустого стула тень всё так же делила сиденье пополам. Рядом лежала фотография Тамариных рук и несколько тёмных кадров со звёздами.

Она создала отдельную папку для поездки. Не написала «отдых» и не назвала её «началом новой жизни». Поставила дату и адрес домика.

Потом повесила платье в шкаф. Раньше убрала бы его подальше, чтобы не мешало. Теперь оставила впереди.

Нора дождалась, пока Яна ляжет, обошла кровать и поднялась на свободную половину. Несколько раз повернулась, устраиваясь, положила голову на край подушки и закрыла глаза.

— Я тоже рада, — сказала Яна.

Собака не открыла глаз. Только придвинула лапу так, что она коснулась Яниной руки.
Через несколько дней Глеб спросил:

— Ты ещё поедешь?

Яна не стала делать вид, что не поняла.

— Наверное.

— В тот же дом?

— Не знаю.

— Тогда в следующий раз возьми Нору.

Собака услышала своё имя и подняла голову.

— Если возьму Нору, это будет уже не совсем одной.

— Она не считается человеком.

— Именно поэтому считается по-другому.

Глеб подумал.

— Ладно. Только пусть она решит.

Нора уже положила голову обратно Яне на руку, будто решение было принято задолго до их разговора.

Глава 15. Август

В августе Яне исполнилось сорок два.

Она любила дни рождения и никогда не понимала женщин, которые заранее просили не напоминать им возраст. Один день в году существовал потому, что она родилась. Можно было ждать поздравлений, свечей и внимания, не объясняя, зачем это нужно.

Первый день рождения без Марата почти не сохранился в памяти. Яна помнила отдельные сообщения, мамин звонок, детей, которые слишком старались не оставить её одну, и собственное желание быстрее дожить до следующего утра. Тогда сам праздник казался ещё одним предметом, который они не знали, куда поставить после его смерти.

Теперь прошёл ещё год. Яна заранее сказала детям, что ничего большого не нужно, и сама заметила, как внимательно они уточнили, означает ли это «совсем ничего» или только «не тратьте деньги». Ей хотелось цветов, торта, свечи и чтобы утром кто-нибудь первым вспомнил. Она не стала делать вид, что возраст отменил эти желания.

Дети проспали и устроили завтрак ближе к обеду. Олеся заказала еду, Лёша принёс цветы, Глеб испёк торт из готовой смеси. Торт получился плотным и подгорел по краям.

— Он несущий, — сказал Лёша, постучав вилкой по коржу.

— Это современная кондитерская архитектура, — ответил Глеб.

— Архитектура не должна ломать зубы.

— Ты ничего не понимаешь в искусстве.

Нора пыталась добраться до крема, Олеся удерживала тарелку, мальчики спорили, кому убирать. Яна задула свечу со второго раза и смеялась так, что желание пришлось загадывать уже после.

— Ты загадала? — спросил Глеб.

— Пока смеялась, забыла.

— Тогда свечу ещё раз.

— У нас одна.

— Она многоразовая.

Лёша снова зажёл фитиль. Нору пришлось удерживать за ошейник: собака решила, что повторение церемонии повышает её шансы на крем. На этот раз Яна закрыла глаза.

Желание не сформулировалось. Мелькнули деньги, здоровье детей, море, дорога, чтобы машина не сломалась. Всё нужное сразу, как список перед выездом. Яна задула свечу без единственного правильного пункта.

Олеся поставила телефон на полку и включила таймер. На снимке Глеб смотрел на свечу, Лёша — на Нору, сама собака тянулась к столу, а Яна смеялась с закрытыми глазами. Фотография получилась смазанной.

— Ещё одну, — сказала Олеся.

— Эта нормальная.

— У тебя глаза закрыты.

— Зато все на месте.

Мама позвонила утром. Поздравила, пожелала здоровья и почти сразу вспомнила Марата.

— Он так любил твои дни рождения.

Яна не стала говорить, что в последние годы подарки часто откладывались из-за денег, а цветов давно не было. Мама вспоминала не покупки. Ей нужен был лучший зять, которого можно любить без противоречий.

Позже позвонила мать Марата. Плакала ещё до поздравления. Яна рассказала про детей, про торт, выслушала несколько воспоминаний о сыне. Когда разговор закончился, свеча уже лежала рядом с пустой тарелкой.

— Можем зажечь ещё раз, — предложила Олеся.

— Не надо. День и так идёт.

Они всё равно зажгли.

К вечеру дети разошлись по своим делам. В квартире остались коробки после завтрака, Нора и тишина. Яна ответила на поздравления, поставила чашки в раковину и увидела дату на экране телефона.

* * *

Август каждый год возвращал тот разговор.

Не весь месяц. Иногда хватало знакомой жары в комнате, чужого вопроса о подарке или пары кроссовок в витрине. Но дата делала память точнее. Яна могла годами не вспоминать, во что была одета, а потом в августе вдруг ощущала под ладонью край кухонной столешницы из той квартиры и вкус давно остывшего чая.

Яне было двадцать. Она была беременна Олесей. Между ней и Маратом не было долгой холодной войны, которую потом можно было бы назвать объяснением. Они разговаривали, строили планы, спали вместе. Яна не ждала подвоха.

Марат сказал, что у него другая женщина и он хочет уйти.

Сначала Яна решила, что не расслышала. Марат говорил тихо и смотрел не на неё, а в чашку. За окном было светло, на кухне работал телевизор из соседней комнаты, и ничто вокруг не помогало поверить, что фраза уже сказана.

— Давно? — спросила она.

Он ответил, но число не осталось в памяти. Несколько недель или месяцев — достаточно, чтобы у отношений появилось прошлое, в котором Яна ничего не замечала.

— Ты её любишь?

Марат сказал, что не знает. Потом — что, наверное, да. Обе версии звучали одинаково беспомощно.

Ребёнок толкнулся. Яна положила ладонь на живот, и Марат тоже посмотрел туда. На секунду ей показалось, что сейчас он передумает просто потому, что Олеся пошевелилась. Но ребёнок не должен был выигрывать спор, о котором ещё ничего не знал.

Из всего разговора память сохранила чашку с остывшим чаем, движение ребёнка внутри и один почти невозможный вопрос.

— Что ей подарить? — спросил Марат.

Возможно, растерялся. Возможно, по привычке пришёл к Яне с задачей, которую она всегда умела решить.

— Лучше бы мне кроссовки купил, — ответила она.

Этой фразой Яна не просила подарок. Она закрывала тему, которую не могла продолжать. Не спросила, что нравится другой женщине, не помогла выбрать, не сказала вслух, что ей больно.

Марат даже спросил размер. Тогда Яна посмотрела на него и сказала, чтобы он больше ни о чём её не спрашивал.

В тот момент она ещё не заплакала. Спросила, когда он заберёт вещи, какие именно и хватит ли ему одного пакета. Марат отвечал. Они обсуждали рубашки, зарядку, документы — обычные предметы, которые почему-то делали уход реальнее другой женщины.

Когда дверь закрылась, Яна сначала вымыла чашки. Потом сложила его вещи в два пакета, хотя он просил один. Только ночью легла на край кровати и поняла, что всё это время почти не дышала.

Ночью он не вернулся. Утром Яна пошла на работу. Коллега спросила, хорошо ли она себя чувствует. Яна ответила, что не выспалась, и до вечера разбирала чужие задачи.

Никому она не позвонила. Мама любила Марата и, скорее всего, первым делом спросила бы, что произошло между ними. Подруг, которым можно было сказать «он ушёл к другой, пока я беременна», у Яны не было.

На работе она отвечала быстро и нормально. Никто не знал, что во время обеда Яна ходила в туалет проверять, нет ли крови, потому что страх за ребёнка оказался единственным страхом, который можно было признать. За себя она не боялась. Себе предстояло просто делать то, что нужно: работать, есть, оплачивать квартиру, ждать родов.

Марат возвращался несколько раз. Сначала за вещами, потом поговорить. В один из вечеров сел рядом и заплакал. Яна подала ему полотенце, потому что салфеток не оказалось, и сразу возненавидела собственную руку за привычную заботу.

Она ещё не согласилась его принять. Марат приходил, рассказывал, что запутался, что с другой женщиной всё оказалось не так, что он думает о ребёнке и о Яне. В некоторых его словах было раскаяние, в других — страх остаться без дома, где его понимали и ждали.

Яна слушала и всё время видела, что ему плохо. Это было её самое надёжное умение — замечать чужую боль раньше собственной. Марат не требовал, чтобы она его утешала, но сидел перед ней с таким лицом, что она всё равно наливала чай, находила полотенце, спрашивала, ел ли он.

Позже он стоял перед ней на коленях, просил сохранить семью, говорил, что ошибся и боится её потерять. Яна была очень молодой, это были её первые отношения, внутри неё рос ребёнок. Чужая боль снова оказалась громче собственного отказа.

Она разрешила ему вернуться.

Не в один большой момент. Сначала разрешила переночевать. Потом оставить часть вещей. Потом Марат снова начал покупать продукты, ездить с ней к врачу и собирать детскую кроватку. К рождению Олеси окружающим уже не нужно было ничего объяснять: молодая семья ждала ребёнка, будущий отец был рядом.

Марат действительно был рядом. На родах держал Яну за руку, носил маленькую Олесю по комнате, вставал ночью, когда мог, работал и приносил домой деньги. Через годы так же был рядом с Лёшей и Глебом. Он умел заботиться не показно, а в мелочах: прогреть машину, привезти кофе, забрать ребёнка, если на улице холодно. Измена не превратила всё это в спектакль.

Но возвращение тоже не отменило тот август. Просто вокруг него выросли двадцать лет общей жизни, и тайная трещина стала незаметна всем, кроме Яны.

Никто об измене не узнал. Ни мама, ни друзья, ни будущие дети. Для остальных Марат оставался человеком, который был рядом на родах, занимался детьми, соглашался на дальние поездки, приносил кофе и умел заботиться.

Всё хорошее было настоящим.

Тот август тоже.

Почти двадцать лет Яна вспоминала его. Иногда каждый день, иногда реже. Могла смеяться с Маратом, ехать рядом, благодарить за заботу и всё равно знать, что однажды должна была уйти.

Теперь спросить его было невозможно. Знал ли он, что её шутки про отсутствие любви не всегда были шутками? Понимал ли, почему она помнит? Считал ли дальнейшую заботу искуплением или просто жил так, как умел?

Ответов больше не было.

* * *

Нора подняла голову с пола и подошла к Яне. Положила морду ей на колени, как делала всегда, когда та слишком долго сидела неподвижно. Яна запустила пальцы в шерсть.

Собака не знала ни одной версии Марата. Знала его голос, запах, руки, машину. После смерти несколько недель искала у двери, потом начала спать на его месте и всё равно каждый день выбирала Яну.

Яна не могла прожить так же просто. Ей нужны были слова хотя бы для себя.

Яна открыла документ из домика. Под двумя прежними фразами написала:

«Я не жалею о детях. Я жалею, что не ушла тогда».

Слова не помещались в правильную формулу про благодарность за прожитую жизнь. Яна не стала делать их красивее.

Из проходной комнаты Глеб позвал её посмотреть фильм. Она закрыла документ и вышла к детям. День рождения ещё не закончился.

Места на диване не хватало. Олеся сидела у стены, Лёша устроился на полу, Глеб занял половину дивана и утверждал, что вторая половина свободна, если не учитывать его ноги. Нора лежала между всеми и поднимала голову каждый раз, когда открывали пакет с едой.

— И куда мне? — спросила Яна.

Глеб сел, Лёша убрал подушку, Олеся подвинулась. Место появилось сразу, как будто семья просто ждала правильного вопроса.

Фильм выбрали глупый и смешной. Яна пропустила начало, несколько раз спрашивала, кто кому родственник, потом перестала следить. Глеб комментировал сюжет, Лёша просил его замолчать, Олеся заранее угадывала каждую шутку.

Нора сначала лежала у ног, потом поднялась и положила голову Яне на колени. Тяжёлая, неудобная, слишком тёплая. Яна гладила её и думала, что сегодня впервые назвала тот август словами, от которых двадцать лет защищала всех — Марата, мать, детей и себя. Ни один из сидевших рядом не перестал быть её семьёй.

Лида написала ближе к ночи: «Как день?»

Яна сфотографировала экран с нелепой сценой, Глебовы ноги и серую собачью голову на коленях.

«Идёт», — ответила она.

Потом добавила: «Хороший».

Перед сном дети принесли подарки. Олеся — небольшой кистевой ремень для фотоаппарата, чтобы удобнее было держать его в руке. Лёша — цветы, которые Яна уже видела утром, но теперь он поставил их в обрезанную бутылку, потому что вазы не нашлось. Глеб — рисунок: белая машина на длинной дороге, в окне четыре головы и серая морда, хотя Нора к морю не ехала.

— Художественное допущение, — объяснил он.

— Она бы поехала, если бы могла, — сказала Яна.

Рисунок она поставила возле монитора. Светлое платье висело в шкафу, фотографии из домика лежали в отдельной папке, впереди была настоящая дорога к морю. Сорок два не ощущались началом новой жизни. Просто возрастом, до которого Яна всё-таки дошла.

Глава 16. Пирожное

Через два дня Лёша вернулся из магазина с двумя упаковками шоколадных корзиночек. — Увидел и взял сразу две, — сказал он. — Их опять завезли.

Пирожные продавались только в одной сети. Раньше Яна специально просила Марата заехать туда. Он покупал их после работы — большие шоколадные корзиночки с густым шоколадным кремом. Дети запомнили: мама не любит сладкое, но эти пирожные любит.

Яна действительно почти не ела сладкого. С четырнадцати лет пила чай без сахара, могла оставить конфету недоеденной и спокойно отказаться от торта. Корзиночки считались исключением так давно, что никто уже не проверял, нравится ли ей вкус.

Марат приносил их специально для неё. Яна ела медленно, иногда за два раза, но обычно доедала. Возможно, любила само пирожное. Возможно, любила то, что он помнил нужную коробку у витрины.

Иногда он звонил из магазина и спрашивал:

— Те самые?

— Если большие и крем тёмный.

— Тут все тёмные.

— Тогда корзинка должна быть шоколадная.

— Яна, я сейчас пришлю фотографию.

Он присылал витрину, Яна обводила нужную коробку и возвращала. Потом несколько лет Марат уже не спрашивал. Просто видел корзиночки и брал.

После его смерти они исчезли из продажи. Лёша проверял полку сам — сначала потому, что Яна однажды попросила, потом по привычке. Каждый раз сообщал: «Нет». В этом коротком слове было больше, чем отсутствие пирожных. Ещё одна вещь, которую отец знал и покупал, временно исчезла вместе с ним.

Теперь Лёша принёс сразу две упаковки, будто исправлял долгое отсутствие.

Лёша положил упаковки возле компьютера и ушёл переодеваться. Яна ещё несколько минут работала, время от времени поглядывая на знакомую картинку.

Ей хотелось, чтобы пирожное оказалось вкусным.

Она разрезала одну корзиночку пополам. Первый кусок показался знакомым. После второго крем стал приторным, тесто — слишком тяжёлым. Яна положила ложку.

Попробовала кофе. Без сахара он обычно убирал лишнюю сладость, но сейчас вкус только стал отчётливее. Корзиночка была свежей, именно той, правильной. Нельзя было объяснить разочарование другой рецептурой, плохой партией или тем, что Лёша ошибся.

Яна отрезала ещё маленький кусок, уже не ради вкуса, а для проверки. Проглотила и поняла, что больше не хочет.

Раньше она накрыла бы тарелку и убрала в холодильник. Потом несколько дней открывала бы дверцу, видела половину и обещала доесть, пока срок хранения не принял бы решение за неё.

На этот раз Яна выбросила пирожное сразу.

Нора подошла к ведру и заинтересованно понюхала крышку.

— Тебе нельзя, — сказала Яна.

Собака посмотрела на неё так, будто готова была оспорить не запрет, а сам факт выброшенной еды.

Лёша вошёл за водой и увидел пустую тарелку в раковине.

— Не понравилось?

— Кажется, я их вообще не люблю.

Он посмотрел на мусорное ведро, потом на вторую упаковку.

- Ну и ладно.
- Ты специально покупал.
- До магазина семь минут.

В его ответе не было ни обиды, ни требования любить подарок правильно. Яна почувствовала облегчение сильнее, чем позволяла ситуация с половиной пирожного.

- Я правда думала, что люблю, — сказала она.
- Ну, раньше любила.
- Может быть.

Лёша пожал плечами.

- Люди перестают любить еду. Я в детстве ел манную кашу.
- Ты её ненавидел.
- Значит, плохой пример.

Он открыл холодильник, достал воду и уже собирался уйти.

- Ты не расстроился?
- Из-за пирожного?
- Ты искал.

— Мам, я купил его, чтобы тебе было приятно. Если тебе неприятно его есть, какой смысл?

Лёша сказал это так просто, что Яна не нашла ответа. Марат тоже, вероятно, покупал корзиночки ради её радости, а не ради пожизненной верности вкусу. Только рядом с его заботой Яна давно перестала проверять, где заканчивается сам подарок и начинается обязанность правильно его любить.

Глеб услышал разговор и вызвался спасти продукты. Откусил, поморщился и сказал, что очень сладко. Олеся попробовала половину и оставила на салфетке.

- Получается, их в этой семье никто не любит, — сказал Лёша.
- Семейная легенда разрушена, — объявил Глеб.

Вторую упаковку забрал Андрей, который заехал вечером чинить полку. Он съел одну корзиночку при них и сказал, что хорошая.

- Наконец нашли человека, для которого их покупали двадцать лет, — заметил Глеб.
- Их покупали маме, — ответил Лёша.
- Мама их не любит.

Яна засмеялась.

В семейном списке покупок Лёша удалил название корзиночек. Глеб дописал: «Не брат, даже если скидка». Через несколько минут добавил новую строку: «Маме сначала спросить, что она хочет».

Яна вписала марку кофе. Лёша поставил рядом галочку.

На следующий день она купила себе солёные орехи, которые раньше брала только в дорогу, и съела половину пачки за компьютером. Никто в семье не знал, считать ли их любимыми. Яна тоже пока не знала.

Это оказалось даже приятно — не иметь готового ответа.

Через неделю им предстояло ехать к морю. Яна открыла список вещей: таблетки, документы, зарядки, вода, запасная обувь, фотоаппарат. Внизу уже стоял ноутбук.

Она не стала вычёркивать.

Глава 17. Три дня дороги

Список вещей Яна начала составлять за две недели.

Документы, таблетки, зарядки, вода, запасная обувь, фотоаппарат, аптечка, адреса квартир. Внизу стоял старый ноутбук Олеси. Яна несколько раз собиралась удалить его и каждый раз оставляла.

— Мы едем отдыхать, — напомнила Олеся.

— Я знаю.

— Тогда зачем тебе рабочий компьютер?

— Это ноутбук.

— Не уходи от сути через технику.

Яна сказала, что просто хочет иметь возможность открыть файл, если появится срочный вопрос. Дочь не спорила. Положила рядом зарядку и предупредила, что провод снова отходит.

Последний вечер прошёл в семейном хаосе. Лёша проверял давление в колёсах и считал бутылки с водой. Глеб принёс к машине три пары обуви, два блокнота и огромную подушку. Олеся пыталась уместить свои вещи в одну сумку, но каждый раз добавляла ещё одну папку.

— Мы едем на море, а не переселяемся, — сказал Лёша.

— Это ты взял ящик инструментов.

— Он маленький.

— Он железный.

Яна сидела на краю багажника и позволяла им спорить. Раньше Марат уже разложил бы всё сам, потом переставил ещё раз и объявил, что половина вещей остаётся. Теперь детям нужно было договориться между собой.

В итоге подушку Глеба убрали, ящик Лёши остался, Олеся взяла вторую сумку. Фотоаппарат Яна поставила рядом с собой, чтобы не искать на остановках.

Нора оставалась у Андрея. Брат приехал вечером и терпеливо выслушал инструкции, которые знал почти наизусть.

— Если дверь откроется, она не убежит. Пойдёт искать меня или машину.

— Я знаком с вашей иерархией.

Нора услышала ключи и направилась к Яниной двери. До машины Андрея пришлось вести её самой. Собака запрыгнула в багажный отсек, встала у стекла и не сводила глаз с Яны.

— Ей у меня будет хорошо, — сказал Андрей.

— Она тебе не поверит первые сутки.

— Потом?

— Потом решит, что ты временный персонал.

Андрей закрыл дверь багажного отсека. Нора осталась у стекла, следя за Яной. Даже когда машина тронулась, собака продолжала смотреть назад, пока двор не исчез за поворотом.

Яна вернулась в квартиру, где у двери уже стояли их сумки. В её комнате кровать была застелена, но на покрывале осталась широкая вмятина и серые шерстинки. Предстоящие две недели впервые пугали её не только дорогой. Домик был на две ночи, море — намного дольше. Нора будет спать у Андрея, ждать возле его двери, искать во дворе белую машину.

Яна написала брату ещё одно сообщение: «Если ночью будет скулить, можно положить рядом мою кофту. Она в пакете».

«Я вижу кофту», — ответил Андрей. — «И четыре страницы инструкции».

Яна не стала извиняться.

Выехали до рассвета. Олеся села впереди с навигатором, Лёша проверил воду и документы, Глеб устроился сзади среди сумок и сразу пожаловался, что тесно.

У Марата дальняя дорога начиналась одинаково: он садился за руль, Яна проверяла детей, воду и адрес, потом устраивалась рядом и следила, чтобы водитель не устал. Могла задремать, проснуться на заправке, сменить музыку, раздать еду. Даже когда ей казалось, что поездку организовала она, дорогу всё равно вёл другой человек.

Теперь запасного водителя не было. Лёша учился, но прав ещё не получил. Олеся водить не хотела. Глеб мог только громко оценивать чужие манёвры. Все три дня, каждый поворот, пробка и парковка оставались Яниными.

Она сказала детям это до выезда:

— Если я говорю, что останавливаемся, мы останавливаемся. Даже если до квартиры двадцать минут.

— А если десять? — спросил Глеб.

— Даже если за углом.

— А если мы уже видим дом?

— Тогда ты можешь выйти и дойти.

— Понял. Вопросов нет.

Первые часы ехали под музыку. Глеб пел вместе с Яной. Лёша попросил сменить песню после третьего повтора, Олеся молча переключила сама. К обеду они успели поссориться из-за зарядки, сахара в кафе и того, кто должен идти за водой.

После города дорога долго была знакомой. Яна знала развязки, заправки, место, где обычно собиралась пробка. Потом навигатор впервые показал ещё несколько сотен километров по трассе, на которой она никогда не была водителем.

Страх пришёл не сразу. Сначала просто изменился асфальт, исчезли знакомые указатели, по обе стороны потянулись поля. Потом навстречу прошла колонна грузовиков, машину качнуло воздухом, и Яна крепче взялась за руль.

— Музыку тише, — сказала она.

Глеб убавил без комментариев. Олеся стала заранее читать навигатор: через три километра направо, потом ещё долго прямо. Лёша следил за знаками и подавал воду только на светофорах.

Через полчаса напряжение ослабло. Дорога не требовала знать её заранее. Достаточно было видеть ближайший поворот, держать полосу и останавливаться, когда тело начинало просить раньше головы.

Яна выбрала кафе по большой парковке и входу без ступеней. После нескольких часов за рулём выйти из машины было труднее, чем ехать дальше. Она заглушила двигатель и ещё минуту сидела.

— Мы никуда не опаздываем, — сказала Олеся.

— В квартиру надо до девяти.

— Ключ в ящике. Хозяйка писала.

Яна проверила сообщение. Дочь была права.

— Тогда десять минут.

— Можно двадцать.

Они просидели почти полчаса. Глеб съел половину Олесиной пиццы, Лёша принёс Яне воду. На заправке она несколько раз потянула стопу и медленно выпрямила ногу, как показывал тренер на пробном занятии. Помогло ненадолго.

К вечеру спина болела так, что Яна заранее боялась лестницы в съёмной квартире. Лифта не было. Дети забрали чемоданы и пакеты, ей оставили ноутбук и маленькую сумку.

— Я сама донесу ещё что-нибудь.

— Ты и несёшь, — ответил Лёша. — Просто не всё.

На третьем этаже Яна остановилась между пролётами. Олеся уже открыла дверь, Глеб выбирал кровать, Лёша спускался за последним пакетом.

Ужин заказали. Ели пиццу на кроватях, потому что нормального стола не было. Соус капнул на простыню, дети одновременно обвинили Глеба, хотя виноват оказался Лёша. К концу вечера все устали настолько, что спор о местах для сна закончился без победителя.

Ноутбук Яна поставила на подоконник. Интернет работал плохо, сообщения загружались с задержкой. В общем чате лежал вопрос, на который никто не ответил уже сорок минут.

Она написала первую строку и остановилась.

— Ты правда сейчас будешь работать? — спросил Лёша с соседней кровати.

— Только отвечу.

— Мы из-за твоей работы встали в пять утра?

— Мы встали в пять, потому что далеко едем.

— Тогда хотя бы не делай вид, что ноутбук сам открылся.

Яна посмотрела на экран. В чате уже появился ответ сотрудницы — не такой, как дала бы она, но вполне рабочий. Яна закрыла окно, не добавляя свою версию.

Потом Андрей прислал видео. Нора лежала у входной двери его квартиры, положив нос на Янину кофту.

— Она ела? — спросила Яна.

— Да, — ответил брат за кадром. — Гуляла, ела, проверила обе машины во дворе. Твоей не нашла, поэтому осуждает меня.

Глеб посмотрел видео дважды. Потом написал Норе сообщение от себя, хотя читать его предстояло Андрею.

Ночью Яна проснулась от боли в спине. Впереди оставалось два дня дороги. Она лежала и думала, что раньше в такую минуту сказала бы Марату: «Я не смогу». Он ответил бы, что утром будет легче, потому что вести всё равно ему.

Теперь утром вести предстояло ей.

* * *

Во второй день все проснулись уставшими. Глеб не мог найти кроссовок, который сам поставил под кровать. Олеся искала зарядку, Лёша сердился, что никто не готов к выезду вовремя.

Яна сидела на краю кровати и смотрела, как дети спорят.

— Мы можем выехать позже.

Лёша посмотрел на часы.

— Тогда приедем после девяти.

— Ключ в коробке.

— Ты сама вчера из-за этого согласилась отдыхать дольше, — напомнила Олеся.

Яна легла обратно на пять минут. Выехали на сорок позже. Ничего не случилось.

На трассе началась пробка. Яна почти час нажимала сцепление, отпускала и снова нажимала. Левая нога дрожала.

— Остановимся на первой заправке, — сказала Олеся.

— Мы только выбрались.

— Поэтому и остановимся.

Яна не стала доказывать, что может ещё. Съехала, откинула спинку и закрыла глаза. Лёша принёс горячую еду. Глеб вернулся с дешёвой пластиковой игрушкой для Норы.

— Она съест за минуту.

— Зато ей понравится, пока не разгрызёт.

Они провели на заправке сорок минут. Никто не умер от опоздания.

За соседним столом сидела семья с двумя маленькими детьми. Женщина кормила младшего и одновременно пыталась есть сама, мужчина отвечал на звонок и искал ключи. Яна смотрела на них и вспоминала поездки, в которых Глеб плакал в кресле, Лёшу тошнило, Олеся

спрашивала, когда приедут, а Марат раздражался из-за каждой лишней остановки и через пять минут сам покупал всем мороженое.

Их семья тоже была шумной, неудобной и настоящей. Теперь дети выросли и несли ей еду, проверяли маршрут, заставляли отдыхать. Яна не заметила, когда роли начали меняться. Не хотела, чтобы они поменялись полностью. Но позволила Лёше открыть бутылку, а Олеся — решить, через сколько километров будет следующая остановка.

Вторая квартира была в частном секторе. Навигатор показал поворот слишком поздно. Яна проехала мимо, а мужчина возле ворот сам махнул рукой и объяснил, где развернуться. Хозяин дома заметил, как она выходит из машины, и поставил у входа стул.

— Садитесь, пока дети носят.

Яна уже приготовила отказ. Вместо него сказала:

— Спасибо.

Она села. Мужчина ушёл в дом и не стал спрашивать, почему ей тяжело. Женщина на заправке придержала дверь, официант вынес заказ к машине, этот человек поставил стул. Они помогали ровно в одном месте и возвращались к своей жизни. Яна благодарила и ехала дальше.

Вечером хозяева принесли чайник и четыре разные кружки. Глеб выбрал самую большую, Лёша — единственную без рисунка. Олеся открыла карту и показала, что завтра можно ехать короче или немного дольше, но по более спокойной дороге.

— Дольше насколько? — спросила Яна.

— Минут на сорок.

Раньше она выбрала бы короткую. Сорок минут казались потерей, которую придётся оплатить ещё одной ночью усталости.

— Давай спокойную, — сказала Яна.

Никто не стал поздравлять её с разумным решением. Глеб только спросил, будет ли по дороге нормальное кафе.

* * *

Третьим утром вещи собирали почти молча. Каждый уже знал, что несёт. Лёша проверил воду, Олеся открыла маршрут, Глеб сам убрал лишнюю обувь в багажник.

Яна села за руль и несколько секунд держала ключ, не поворачивая. Осталось меньше, чем они уже проехали, но сегодня тело помнило оба предыдущих дня.

— Сначала завтрак, — сказала Олеся.

— Мы уже собрались.

— Вещи никуда не денутся.

Они ели холодную пиццу возле окна. Глеб заявил, что это худший завтрак поездки. Лёша напомнил про сладкие хлопья на первой заправке. Пока они спорили, Яна выпила кофе и поняла, что может ехать.

Третий день оказался длиннее первых двух не по километрам. Тело узнавало движение раньше, чем машина выезжала на трассу: левая нога болела после каждого нажатия, поясница не находила удобного положения, пальцы на руле приходилось время от времени разжимать.

Они останавливались чаще. На одной площадке не было ни кафе, ни туалета, только несколько деревьев и длинный вид на дорогу. Яна вышла с фотоаппаратом, хотя Глеб напомнил, что до моря ещё далеко.

— Я знаю.

— Тогда что снимаешь?

— То, что уже проехали.

Она встала у края площадки. В кадре дорога уходила назад и исчезала за поворотом. Внизу оказался кусок ограждения, справа — зеркало их машины. Яна сделала три снимка и вернулась.

— Красиво? — спросила Олеся.

— Пока не знаю.

Глеб посмотрел на дорогу через заднее стекло.

— Мы правда столько проехали?

— Больше.

Он несколько секунд молчал, потом попросил включить их песню сначала.

Море появилось между домами. Глеб увидел первым и закричал так, что Яна вздрогнула. Олеся открыла окно. Воздух стал влажным и солёным.

До квартиры оставалось сорок минут, но после первого синего просвета между домами они уже будто приехали.

Глава 18. Море

В квартире было две комнаты и небольшой балкон. До моря действительно можно было дойти пешком, только рекламные пять минут не учитывали Янину скорость, песок и необходимость иногда останавливаться.

В первый вечер дети сразу захотели к воде. Яна сказала, что пойдёт утром.

— Мы ехали три дня, — возмутился Глеб. — Ты будешь смотреть из окна?

— Сегодня да.

Лёша попросил оставить мать в покое. Олеся открыла балконную дверь, и шум улицы сразу заполнил комнату.

— Я слышу море, — сказала Яна. — Пока достаточно.

Дети ушли втроём. Она разложила таблетки и зарядки, поставила ноутбук на стол и открыла рабочую почту. Через час заметила, что море находится в нескольких сотнях метров, а она снова сидит перед файлом.

Яна закрыла его на середине и вышла на балкон. Между домами была видна узкая полоска воды. Она меняла цвет вместе с небом, хотя Яна сидела на одном пластиковом стуле и никуда не шла.

Телефон лежал рядом. Андрей прислал фотографию Норы у себя дома: собака устроилась возле балконной двери, но голову повернула к входу.

«Ночью пришла ко мне на кровать», — написал он. — «Посмотрела, что это не ты, и ушла».

Яна провела пальцем по серой морде на экране.

В съёмной квартире кровать они поделили с Олесей. Мальчики спали во второй комнате. Ночью рядом будет дышать дочь, за стеной Глеб, скорее всего, сбросит подушку и разбудит Лёшу. Яна не останется одна. И всё равно ей не хватало именно тяжёлого собачьего тела, которое никому не нужно было просить лечь рядом.

«Положи кофту на кровать», — ответила она.

«Она уже унесла её к двери».

Яна сохранила фотографию. На ней почти не было Норы — только спина, край уха и светлый прямоугольник балконной двери. Но собака снова смотрела не наружу, а туда, откуда должна была вернуться Яна.

* * *

На следующий день они отправились на пляж вместе. Глеб нёс полотенца и рассказывал происходящее голосом ведущего. Лёша шёл медленнее обычного, не показывая, что подстраивается. Олеся время от времени останавливалась возле витрин, будто сама хотела рассмотреть сувениры.

На полпути Яна села на скамейку у магазина. Хозяин вынес холодную воду и поставил рядом.

— Я куплю.

— Купите. Сначала отдышитесь.

Он вернулся к прилавку. Не спрашивал о здоровье и не ждал благодарности длиннее обычного «спасибо».

На пляже дети сразу ушли в воду. Яна осталась под зонтом, сняла обувь и поставила ноги на тёплый песок. Купальник лежал в сумке. Она могла переодеться и войти хотя бы по колено, но сегодня не захотела проходить через людей и собственное смущение.

Море нравилось ей издалека и всё равно было настоящим.

Песок был слишком горячим сверху и прохладным, если провести ступнёй глубже. Яна шевелила пальцами, смотрела, как дети становятся меньше в воде, и держала рядом телефон.

Раньше она следила бы, далеко ли они зашли, не накрывает ли Глеба волной, не пора ли Лёше выйти. Сейчас Олеся стояла рядом с братьями, все трое были достаточно взрослыми, а море оставалось мелким ещё долго.

Глеб несколько раз махнул ей. Яна подняла руку в ответ.

Женщина под соседним зонтом переодевала маленькую девочку, прикрывая её полотенцем. Мужчина тащил надувной круг. По песку ходили люди в купальниках самых разных размеров, кто-то лежал, кто-то ел, кто-то кричал детям. Никто не смотрел на Яну дольше секунды.

Она всё равно не переоделась. Не из принципа и не потому, что победила или не победила стыд. Сегодня ей хотелось сидеть, чувствовать песок ногами и видеть море перед собой. Этого было достаточно.

Отпуск не сложился в отдых сам собой. Утром Яна просыпалась раньше детей, открывала ноутбук и обещала поработать только час. Через два часа Глеб приходил за полотенцем, Олеся спрашивала, идёт ли мать с ними, Лёша напоминал про таблетку.

Один раз Яна сказала, что догонит, и не пришла. Закрыла файл только после обеда, когда в комнате стало душно. До пляжа дошла медленно. Дети встретили без упрёка.

— Ты всё-таки пришла, — сказал Лёша.

— Это звучит как отчёт.

— Наблюдение.

Он забрал сумку с камерой. Яна не стала отбирать.

В тот вечер Сергей позвонил.

— Ты зачем открыла файл?

— Он был в почте.

— Это не ответ.

— Мне не понравилась первая страница.

— Команде понравилась.

— Команда ещё вчера спрашивала меня, что делать.

— А сегодня сделала. Тебе прислали посмотреть, не спасать.

Яна сидела на балконе. Внизу Глеб выбирал кукурузу, Лёша спорил с продавцом о цене, Олеся ждала у калитки.

— Там две ошибки, — сказала она.

— Напиши две ошибки.

— И ещё я бы поменяла порядок.

— Это ошибка?

Яна молчала.

— Вот и не меняй. Иди к детям.

— Ты сейчас пользуешься тем, что я далеко и не могу спорить лично.

— Безусловно.

Она написала два коротких комментария и закрыла ноутбук. Порядок остался чужим. На следующий день клиент согласовал его без правок.

Яна несколько раз открывала письмо с согласованием, будто там должна была найтись скрытая претензия к тому, что она не переписала всё сама. Не нашлась.

На работе без неё справлялись лучше, чем она ожидала. Сергей писал только тогда, когда действительно требовалось её мнение. Однажды команда прислала готовое решение. Яна прочитала, увидела два места, которые сама сделала бы иначе, и впервые не стала переписывать.

«Мне подходит», — ответила она.

«Отправляем», — пришло почти сразу.

Яна закрыла ноутбук. До возвращения детей оставался час. Взяла камеру и вышла только до калитки.

Фотографий получалось меньше, чем она представляла дома. Свет был резким, людей много, тело быстро уставало. Красивое место могло быть в двадцати метрах, а Яна знала, что сегодня эти двадцать не пройдет.

Сначала злилась. Потом стала снимать оттуда, где находилась: мокрые следы Глеба на плитке, пальцы Олеси в волосах, Лёшину руку на ремне тяжёлой сумки, полосатый зонт, пустую скамейку возле магазина.

Однажды у калитки на скамейке сидел пожилой мужчина и кормил кошку кусочками булки. Яна спросила, можно ли снять его руку.

— Лица не будет?

— Если не хотите, не будет.

— Тогда снимайте. Руку я и так каждый день вижу.

В кадр вошли пальцы с крошками, кошачье ухо и полоска моря между домами. Мужчина посмотрел фотографию и пожал плечами.

— Не понимаю, зачем вам моя рука.

— Мне нравится.

— Тогда оставьте себе.

Такие короткие встречи происходили почти каждый день. Женщина в пекарне запомнила, какой кофе покупает Яна, и однажды вынесла стакан к машине. Соседка придержала калитку, когда дети несли пакеты. Хозяйка квартиры принесла дополнительное полотенце.

Эти люди не входили в её жизнь надолго. Можно было поговорить несколько минут, поблагодарить и уехать. Яне нравилось тепло, которое не требовало продолжения.

* * *

На пятый вечер жара спала раньше. Яна предложила дойти до моря после заката, когда на пляже станет пусто. Дети переглянулись: обычно это они уговаривали её выйти.

До воды шли медленно. Магазин уже закрывался, и знакомой скамейки возле входа не было видно в тени. Лёша нёс сумку, Глеб — фотоаппарат, Олеся купила четыре бутылки воды и не отдала Яне ни одну.

На пляже остались редкие люди. Песок больше не обжигал, море стало темнее неба. Яна дошла до самой кромки и остановилась. Волна подкатилась, намочила пальцы ног и край длинной юбки.

— Купальник зря носили, — сказал Глеб.

— Он отдыхает.

— Самый отдохнувший член семьи.

Следующая волна была сильнее. Яна отступила, потом вернулась на прежнее место. В воду не вошла. Просто стояла, пока песок уходил из-под ступней, и держалась не за человека, а за ремень камеры, которую Глеб уже вернул.

Она сняла мокрый край своей юбки, четыре пары обуви на песке и следы, которые вода стирала раньше, чем успевал сфокусироваться объектив.

Потом дети уговорили её сесть прямо на полотенце. Подниматься пришлось всем вместе: Лёша дал руку, Олеся поддержала под локоть, Глеб собирал вещи и командовал так, будто руководил спасательной операцией. Яна не отмахнулась. Позволила им помочь и смеялась, пока снова не заболели мышцы.

В один из вечеров они пошли в кафе. Цены на месте оказались выше, чем в меню в интернете. Лёша предложил уйти, Олеся сказала, что больше не хочет искать другое, Глеб выбрал самое дорогое блюдо и тут же поменял на дешёвое, заметив Янин взгляд.

— Бери то, что хочешь.

— Я хочу, чтобы у нас остались деньги на обратную дорогу.

— Один ужин её не отменит.

Глеб всё-таки выбрал то, что хотел.

За соседним столом праздновали день рождения. Когда вынесли торт, весь зал запел. Глеб сообщил официанту, что у его мамы праздник был недавно. Через несколько минут перед Яной поставили маленький кусок со свечой.

— Это подарок, — сказал официант, прежде чем она успела спросить цену.

Яна задула свечу. Торт оказался слишком сладким. Она съела две ложки, остальное разделили дети.

Однажды хозяйка увидела фотоаппарат.

— Вы фотограф?

— Нет.

— А кто?

Яна не нашла ответа.

— Просто снимаю.

Она показала несколько кадров. Хозяйка остановилась на фотографии Лёшиной руки, державшей ремень тяжёлой сумки.

— Вы людей всё кусочками снимаете. Странно. Но мне нравится.

Яна запомнила не слово «странно», а последнее предложение.

В последний вечер они сидели на балконе. Глеб ел кукурузу, Лёша листал маршрут назад, Олеся сушила волосы полотенцем. Внизу играла музыка из кафе, за домами шумело море.

— Мы почти не фотографировались вместе, — сказала Олеся.

— Завтра сделаем у машины.

— Очень морской фон.

— Зато все дойдут.

Глеб предложил сфотографировать их тени. Они вышли на улицу и несколько раз меняли положение под фонарём. На асфальте получилось четыре фигуры: одна широкая, две высокие, одна с поднятыми руками.

В прежних дорожных фотографиях была бы пятая тень.

Яна сохранила снимок и ничего не сказала.

Глава 19. Обратно

Собираться домой оказалось тяжелее, чем ехать к морю. Вещи успели разойтись по квартире, к ним добавились полотенца, сувениры, мокрая обувь и Глебова пластиковая игрушка для Норы.

Яна проснулась до будильника и несколько минут лежала, слушая, как за окном разгружают машину. Впереди снова были три дня за рулём. Теперь она хотя бы знала, где примерно устанет.

Перед выездом они сфотографировались возле машины. Глеб стоял босиком, Лёша держал ключи только для вида, Олеся закрыла глаза на первом кадре. Яна поставила телефон на невысокую ограду, включила таймер и успела встать рядом в последнюю секунду.

Фотография получилась неровной. Они оставили её.

На втором кадре Яна не успела. Телефон снял троих детей возле машины и её руку в левом углу. Глеб хотел удалить, но Яна сохранила и этот. В нём было видно, как семья умеет стоять без неё и всё равно ждёт, пока она войдёт в кадр.

В первый день шёл сильный дождь. Дворники едва успевали, разметка исчезала под водой. Яна сама сказала, что остановится на следующей заправке, прежде чем дети начали следить за её лицом.

— Надолго? — спросил Глеб.

— Пока не перестану ненавидеть дорогу.

Они просидели почти час. Олеся нашла более спокойный маршрут, Лёша принёс еду, Глеб кормил крошками птиц, пока сотрудник не попросил отойти от навеса.

Когда снова выехали, дождь стал тише.

Раньше Яна считала остановку признанием, что дорога сильнее неё. Теперь после часа под крышей руки снова спокойно лежали на руле, а дети перестали всматриваться в её лицо. Потерянный час вернул им несколько безопасных часов движения. Эта арифметика была сложнее привычной и впервые казалась убедительной.

На первой ночёвке Яна сразу сказала, что утром они выедут не раньше десяти. Лёша напомнил про пробки.

— Пробки переживут.

* * *

Утром дети собрались раньше неё и сами вынесли вещи. Яна выпила кофе, приняла таблетку с нормальной едой и только потом села за руль. Раньше она считала бы потерянным каждый час. Теперь знала: дорога не становится короче от того, что водитель уже не чувствует ног.

Олеся вела список остановок в телефоне. Не расписание, которое нужно соблюсти, а места, где можно спокойно съехать, поесть и не подниматься по ступеням. Лёша следил за бензином и больше не спрашивал, сколько километров они проедут до следующей паузы. Глеб научился узнавать момент, когда музыка начинает мешать, и убавлял сам.

Их помощь не делала дорогу лёгкой. К вечеру Яна всё равно едва выпрямлялась, а ночью не могла повернуться без боли. Но впервые она не несла поездку в одиночку только потому, что одна сидела за рулём.

Во второй день они остановились раньше, чем планировали. Не из-за поломки и не потому, что кто-то попросил. Яна увидела удобную парковку, свернула и сказала, что хочет посидеть.

Никто не спросил, насколько сильно она устала. Олеся пошла за кофе, Лёша проверил маршрут, Глеб остался в машине и включил музыку тихо. Через двадцать минут Яна сама сказала, что можно ехать дальше.

Во второй квартире ключ долго не находился. Олеся обыскала сумку, Глеб заглянул под коврик, Лёша уже звонил хозяйке. Ключ всё время лежал в кармане Олесиной куртки. Сначала она рассердилась, потом засмеялась вместе со всеми.

Яна легла поверх покрывала и сказала, что полотенца, душ и ужин дети делят без неё. Через десять минут Олеся принесла сухое полотенце.

— Мы разобрались.

— Без меня?

— Представь себе.

Яна не вмешалась.

* * *

Домой приехали вечером. Андрей вывел Нору во двор заранее. Увидев Янину машину, собака рванула к водительской двери, потом к Яне и снова к машине. Пока дети освобождали багажный отсек, Нора металась между Яной и открытой дверью. Как только появилось место, запрыгнула внутрь и развернулась к хозяйке.

— Ей у меня было хорошо, — сказал Андрей. — Но меня она считает временной администратцией.

Яна села на край багажника. Нора прижалась всем тяжёлым боком и не собиралась выходить.

— Она последние три дня спала на твоей кофте, — сказал Андрей. — Сегодня я убрал её постирать, и Нора пошла искать другую.

— Какую?

— Никакую не нашла. Улеглась на пустой пакет и весь вечер меня осуждала.

Яна обняла Нору за шею. Собака пахла чужим домом, улицей и немного её собственной одеждой.

— Ты же понимаешь, что я вернулась?

Нора подняла морду, лизнула её в подбородок и снова посмотрела на открытые двери машины, проверяя, не собирается ли та ехать дальше без неё.

Сумки ещё два дня стояли в проходной комнате. Яна работала больше обычного, будто должна была вернуть компании всё время дороги. На третий вечер закрыла чат, перенесла фотографии на компьютер и только потом открыла расписание спортзала.

В первую ночь Нора улеглась поперёк кровати и несколько раз просыпалась, стоило Яне пошевелиться. Не просто спала рядом — проверяла. Яна подвинулась к стене, освободив собаке почти всю Маратову половину, и положила ладонь на её спину.

За эти две недели она привыкла засыпать под дыхание Олеси и шум детей за стеной. Теперь квартира снова была тесной, знакомой, полной вещей. Но именно Норин тяжёлый бок вернул телу ощущение дома.

Наверное, поэтому Яне всегда хотелось двух больших собак. Не маленьких, которых можно взять на руки и устроить там, где удобно человеку, а таких, которые сами занимают место, дышат рядом, ходят за ней из комнаты в комнату и делают пустоту физически невозможной. Норы ей не было мало. Наоборот: рядом с ней Яна впервые поняла, как много может дать живое существо, которое ничего не обещает и всё равно каждый день выбирает тебя.

В маленькой квартире вторая большая собака не поместилась бы даже теоретически. Яна представила ещё одну серую или светлую спину поперёк прохода, улыбнулась и отложила эту мысль вместе с другими желаниями, для которых пока не было места.

Пробное занятие весной ей понравилось. Потом денег не хватало: сначала лекарства и долги, затем нужно было копить на море. После нескольких месяцев возвращаться в тот же зал стало неловко.

Во время отпуска Яна особенно ясно увидела, сколько решений за неё принимает усталость. До пляжа было вроде бы близко, но иногда эта дорога решала, увидит она море или

останется перед ноутбуком. Красивый кадр мог быть в двадцати метрах, а сил на эти метры уже не оставалось.

Яна закрыла сайт прежнего зала.

Через час нашла другой и записалась на индивидуальное занятие.

До подтверждения оплаты оставалось несколько минут. Она успела посмотреть стоимость абонемента, закрыть страницу, открыть снова и посчитать, сколько поездок на такси или доставок помещается в эту сумму. Потом вспомнила пляж, который находился в нескольких сотнях метров и в некоторые дни был для неё дальше рабочего компьютера.

Цель «похудеть» не помогла бы нажать кнопку. Яна слишком много раз начинала с неё и заранее знала, как быстро любое число на весах превращается в оценку всей жизни.

В поле «пожелания тренеру» она написала: «Очень низкий гемоглобин, болит спина, тяжело ходить. Хочу двигаться легче».

Подтверждение пришло сразу.

Она не отменила.

Глава 20. Миллиметр

На пробное занятие Яна впервые пришла ещё весной.

Тогда она несколько дней готовилась отменить запись. В последний момент всё-таки вошла. Тренер спросил о здоровье, показал тренажёры с опорой и закончил занятие раньше, когда Яна побледнела.

После было тяжело и удивительно хорошо. Она сидела в машине, чувствовала дрожь в ногах и впервые за долгое время могла похвалить себя без внутреннего «а что здесь сложного». Сложно было всё.

На второе занятие денег не нашлось. Потом начались расходы на дорогу к морю. Через несколько месяцев возвращаться к тому же тренеру стало стыдно: Яна представляла, как он вспомнит женщину, которая сказала, что обязательно продолжит, и исчезла.

Поэтому в сентябре она выбрала другой зал и сразу записалась на индивидуальные занятия.

Для её бюджета это было дорого. Можно было смотреть упражнения в интернете и заниматься дома бесплатно. Только дома между кроватью и компьютером всегда находилось что-нибудь важнее: сообщение, рабочий файл, просьба ребёнка, звонок мамы. Яна могла знать упражнение идеально и ни разу его не начать.

Тренера звали Илья. Он не спросил, сколько килограммов она хочет сбросить к определённой дате. Сначала посмотрел анализы, уточнил давление, гемоглобин, боль в спине и ногах.

— Когда ели?

Яна посмотрела на часы.

— Нормально ела.

— Это когда?

— Утром.

— Сейчас почти пять.

— Кофе был.

Илья записал что-то в планшет.

— Перед следующим занятием нужна еда. Не тяжёлая, но настоящая.

— Я не могу есть прямо перед залом.

— Тогда за полтора часа. Мы не будем проверять, на сколько повторов вас хватит без топлива.

Яна уже хотела сказать, что на работе спокойно живёт до вечера на кофе. Но именно поэтому фраза звучала не как аргумент.

— Цель?

Яна приготовилась сказать привычное «похудеть», но ответила:

— Ходить легче.

— Хорошо. Это можно отслеживать.

— Как?

— Где останавливаетесь, сколько восстанавливаетесь, как встаёте. Вес тоже будем видеть, но не только его.

— Он может вообще не меняться.

— Может.

Ответ прозвучал спокойно, без попытки переубедить.

Одежду для зала пришлось покупать. Старые спортивные брюки не застегнулись, свободная футболка поднималась вместе с руками. Олеся помогла выбрать длинные чёрные штаны и две простые футболки.

— Все будут смотреть, — сказала Яна, когда примеряла дома.

- На что?
- На меня.
- Мам, в зале люди заняты собой.
- Ты там была?
- Нет. Но я была среди людей.

Глеб вошёл без стука и спросил, почему мать собирается грабить фитнес-клуб. Лёша вытолкнул его обратно.

В день занятия Яна приехала на двадцать минут раньше и почти всё время просидела в машине. Смотрела, как люди входят с маленькими сумками и бутылками воды. Дважды открывала приложение, чтобы отменить запись.

Позвонил Глеб.

- Ты где?
- У зала.
- Почему не внутри?
- Паркуюсь.
- Двадцать минут?
- Выбираю идеальное место.
- Ты боишься.
- Сейчас отключусь.
- Тогда сначала зайди.

Он закончил звонок сам.

В раздевалке никто не повернулся рассматривать Яну. Женщина у зеркала сушила волосы, две девушки обсуждали ужин, кто-то искал ключ от шкафчика. Яна переодевалась медленно, отвернувшись к дверце. Завязать шнурки оказалось отдельной работой: наклонилась, не хватило воздуха, выпрямилась и подождала.

Женщина с короткой стрижкой подвинула сумку, освобождая место на скамейке.

- Спасибо.
- Не торопитесь.

Яна хотела ответить, что и не торопится, но это было бы неправдой. Она всё время старалась закончить быстрее, чтобы никто не успел заметить усилие.

В зал вышла уже вспотевшей.

Первые упражнения выглядели обидно простыми. Поднять носки, не отрывая пяток. Выпрямить одну ногу сидя. Свести лопатки, удерживая спину у опоры. Яна могла описать каждое движение одним предложением и поэтому заранее решила, что справится.

На третьем подъёме ноги начало тянуть бедро. На пятом ступня задрожала. Когда Илья попросил сделать паузу, Яна рассердилась:

- Я даже ничего не начала.
- Начали.
- Это разминка.
- Для вас сегодня это работа.

Он говорил без жалости. Просто смотрел, как двигается нога, и менял задачу, когда движение становилось хуже.

Илья начал с простых движений сидя. Спина упиралась в опору, вес на тренажёре стоял минимальный. Со стороны могло показаться, что Яна почти ничего не делает. На шестом повторе мышцу свело.

- Отпустите.
- Я могу закончить десять.
- Сегодня шесть.
- Вы сначала сказали десять.

— Теперь вижу вас в движении и говорю шесть.

Между упражнениями Яна отдыхала дольше, чем работала. Отвечала «уже можно», пока ещё не могла говорить ровно. Илья ждал ещё минуту.

Никто не смеялся. Мужчина возле соседнего тренажёра показал, где лежат салфетки. Женщина с короткой стрижкой уступила место на скамейке. Остальные смотрели в телефоны, зеркала и свои планы.

После занятия Яна десять минут сидела в машине. Ноги дрожали. Глеб закончил репетицию раньше и позвонил сам.

— Я могу автобусом.

— Я приеду.

— Ты после зала.

— Я уже в машине.

— Это не значит, что ты можешь ехать.

Яна закрыла глаза.

— Дай десять минут.

— Хорошо. Я внутри.

Он не вышел заранее и не звонил снова. Когда Яна подъехала, сел рядом, посмотрел на её руки на руле и сам сделал музыку тише.

Дома Нора встретила у двери и сразу пошла за Яной в комнату. Яна собиралась только снять футболку и лечь на пять минут, но собака поднялась на кровать следом, заняла свободную половину и положила голову рядом с её плечом.

Через несколько минут вошла Олеся.

— Ну?

— Я подняла ногу шесть раз.

Дочь подождала продолжения.

— Это всё?

— Это оказалось много.

— Тогда хорошо.

Она принесла воду и не спросила, сколько калорий Яна потратила. Лёша вечером посмотрел на её походку и молча переставил коробку из прохода, чтобы не пришлось перешагивать. Глеб объявил, что теперь в семье есть человек, который официально занимается спортом, и это почему-то не он.

Наутро мышцы болели в местах, о существовании которых Яна раньше не задумывалась. Она написала Илье: «Я не могу встать».

Он ответил: «Если не можете буквально — звоните врачу. Если очень тяжело — сегодня спокойно ходите по квартире, пейте воду. Боль оцените по шкале».

Яна оценила на восемь, потом подумала и поставила шесть. Илья спросил, почему число изменилось.

«Восемь звучит драматично».

«Мне нужно точно, не красиво».

Она вернула семь.

* * *

На второе занятие она записалась сразу. В день встречи едва не отменила: Сергей прислал вопрос по проекту, мама попросила перевести деньги, Олеся задерживалась в университете. Яна уже открыла приложение, но увидела напоминание от Ильи и закрыла чат.

Не все тренировки получались. Однажды Яна приехала после двух часов в пробке и сразу сказала:

— Сегодня я ничего не могу.

— Хорошо. Посмотрим, что можете.

Они сделали растяжку сидя, несколько движений стопой и одно упражнение на руки. Яна ушла раздражённой: за эти деньги хотелось результата, который можно предъявить.

На следующий день ей было легче подняться со стула. Она не сразу связала это с тренировкой.

После четвёртого занятия Яна пропустила неделю. Не из-за детей и не из-за работы: слабость вернулась так резко, что утром пришлось перенести даже созвон. Она написала Илье, что не приедет, и заранее приготовилась объяснять, почему после одного пропуска сможет исчезнуть совсем.

Илья ответил: «Восстанавливайтесь. Новое время пришло на следующую неделю».

Без упрёка, мотивационной речи и скидки за страдание.

В назначенный день Яна снова сидела в машине у входа. Пропуск успел превратиться в доказательство, что регулярность ей не подходит: здоровье нестабильно, денег мало, дома всегда есть дела. Она открыла чат, чтобы отменить второй раз, и увидела последнее сообщение Ильи: «Сегодня начинаем легче».

Внутри сделали только движения сидя и короткую растяжку. Яна вышла без ощущения победы. Но она вернулась — и следующую тренировку уже не пришлось начинать заново с первого страха.

В другой раз после разминки потемнело в глазах. Илья посадил её, принёс воду и закончил занятие. Яна спорила, что уже лучше.

— Вам ещё ехать домой. Я не проверяю, сколько вы способны вытерпеть.

Фраза задела. Яна слишком долго считала выносливость единственным надёжным результатом.

Через два дня она вернулась.

Илья хвалил за то, чего никто другой не заметил бы.

— Сегодня нога выше, чем в прошлый раз.

— Насколько?

— На несколько сантиметров.

— Мне кажется, на миллиметр.

— Миллиметр тоже считается.

В другой день Яна встала с тренажёра, меньше опираясь на ручки. Потом сделала четвёртый повтор там, где раньше было три.

На работе её хвалили за то, что давалось легко: быстро прочтала, сразу поняла, запомнила, нашла решение. Яна принимала слова и тут же отвечала: «Там ничего сложного».

В зале было сложно. Каждый сантиметр требовал усилия, поэтому похвале Ильи она верила.

Вес почти не менялся. После одной тренировки ходить было легче, после другой болело всё тело. Однажды Яна вышла из машины и поняла, что встала, не держась за дверь. В другой день дошла от парковки до зала без остановки у витрины.

В раздевалке она постепенно запомнила людей. Оксану с короткой стрижкой, которая занимала место у края скамейки. Пожилого мужчину у окна, долго разминавшего плечо. Двух девушек, споривших о музыке громче, чем занимались.

Никто не следил, сколько весит Яна и какой тренажёр ей дали. Внимание, которого она боялась, почти не существовало.

Оксана однажды спросила:

— Сегодня легче?

— Что именно?

— Встать. В прошлый раз ты рукой за скамейку держалась.

Яна посмотрела на ладонь. Сегодня не держалась.

— Наверное.

— Значит, считается.

Платить за следующий месяц было тяжело. Яна открыла бюджет, несколько минут двигала строки и снова отложила покупку новой сумки. Старая ещё держалась. Потом перевела деньги залу.

Раньше деньги на себя требовали отдельного оправдания: платье — ради выпускного, домик — потому что устала, море — ради детей. Зал нельзя было оплатить одной красивой причиной. Он требовал эту сумму каждый месяц и не обещал заметного результата к конкретной дате.

Яна оплачивала не похудение. Две тренировки в неделю покупали ей место, куда нельзя было поставить созвон, просьбу забрать ребёнка без проверки автобуса или очередную задачу только потому, что она сделает быстрее. Пока это место приходилось защищать заново перед каждым занятием.

На следующем занятии Илья поставил дорожку на самую маленькую скорость.

— Одну минуту.

Через сорок секунд Яна захотела остановиться.

— Ещё двадцать.

Она дошла до минуты. Илья выключил дорожку раньше, чем Яна успела доказать, что может больше.

— В следующий раз.

Яна сошла, держась за поручень. Сердце билось быстро, ноги дрожали.

И всё-таки она улыбалась.

Миллиметр тоже считался.

Глава 21. Сентябрь

В первые недели сентября, пока тренировки ещё только входили в расписание, свободного места само по себе не появлялось.

Учебный год начался сразу у всех. Глеб ходил в школу, художественную и театральную студию. Лёша готовился к экзаменам, ездил в автошколу и вспоминал о нужных документах поздно вечером. Олеся училась на преподавателя биологии и химии, часто добиралась сама, но после лабораторных выходила с папками, образцами и коробками, которые в автобусе приходилось держать на коленях.

Яна снова запоминала расписания всей семьи. Утром отвозила Глеба, возвращалась к созвону, в обед ехала за документами, вечером ждала у театральной студии. Между поездками работала за двумя мониторами. Сергей получал готовые файлы и редко видел, сколько раз за день Яна спускалась к машине и снова садилась за работу.

На стене возле стола висел бумажный календарь. Яна записывала туда только то, что нельзя было потерять среди сообщений: приём врача, родительское собрание, платежи, Лёшин экзамен. В сентябре между чужими делами впервые повторялись два одинаковых слова: «зал, 18:00».

Глеб однажды дописал рядом: «не звонить без пожара». Лёша зачеркнул «пожара» и написал «реальной необходимости». Олеся поставила вопросительный знак возле слова «реальной».

Яна не стёрла ничего.

В первые две недели тренировка трижды оказывалась под угрозой.

В понедельник Олеся написала, что лабораторная закончится поздно и ей тяжело нести коробку с образцами. До занятия оставалось сорок минут.

— Я доеду сама, — сказала дочь по телефону. — Просто спросила.

— Там дождь.

— Я знаю.

— Закажи такси, я переведу.

Олеся помолчала.

— Ты идёшь в зал?

— Да.

— Тогда иди. Я доеду.

Яна перевела деньги. Весь час думала, что могла бы забрать дочь сама. После тренировки увидела сообщение: «Дома. Коробка тоже». Только тогда отпустило.

В среду Глеб позвонил за пятнадцать минут до занятия. Репетицию закончили раньше, на улице холодно, папка тяжёлая.

— Автобус идёт через семь минут.

— Папа бы забрал.

Яна закрыла глаза.

— Я знаю.

— Тогда приедешь?

Она посмотрела на вход в зал. Администратор уже видела её через стекло.

— Сегодня автобус. Я встречу тебя у дома.

Глеб обиделся и отключился. Яна всё равно вошла.

Дома он разговаривал сухо, но папку донёс сам. Позже поставил перед матерью чай.

— Я не согласен. Но ты хоть занималась нормально?

— Нормально.

— Тогда ладно.

Через несколько минут Глеб вернулся. Сел на край Яниной кровати, хотя Нора уже заняла середину и пришлось отодвигать её лапы.

— Я не потому про папу сказал, чтобы тебе стало плохо.

— Я знаю.

— Просто он бы приехал.

— Да.

Марат действительно приехал бы. Мог ворчать из-за пробки, сказать, что Глеб мог подождать или сесть на автобус, но всё равно развернул бы машину.

— Мне иногда кажется, если мы начнём всё делать сами, то получится, что он был не нужен, — сказал Глеб.

Яна поставила чашку на подоконник.

— Не получится.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что мы уже делаем многое сами, а его всё равно не хватает.

Глеб почесал Нору за ухом. Собака положила морду ему на ногу, но через несколько секунд снова повернулась к Яне.

— Автобус был ужасный.

— Верю.

— В следующий раз я всё равно сначала позвоню.

— Позвони. А потом решим.

Это не было обещанием каждый раз приехать. Глеб услышал и не стал торговаться.

В пятницу Сергей назначил обсуждение на то же время, что и зал. Яна попросила перенести.

— У тебя дети? — спросил он.

— Нет. У меня тренировка.

Сергей замолчал на секунду.

— Хорошо. Давай на час раньше.

— И всё?

— А что ты ждала?

— Лекцию о приоритетах проекта.

— Я знаю твои приоритеты. Поэтому и переносу.

— Ты сейчас очень легко согласился. Даже неприятно.

— Могу поворчать, если тебе нужно привычное сопротивление.

Яна засмеялась.

— Не нужно.

— Тогда в пять. И не приходи на созвон из машины.

— Почему?

— Потому что ты скажешь, что уже почти приехала, а сама будешь искать парковку и ненавидеть меня.

— Я могу делать это одновременно.

— Вот именно.

Он не спросил, зачем ей тренер и нельзя ли позаниматься дома. Через минуту они уже обсуждали фирменный стиль.

Самым трудным оказалось не найти время, а перестать каждый раз объяснять, почему оно ей нужно.

Зал не освобождал Яну от семьи. После тренировки она всё равно ехала за Глебом, отвечала Олеся, покупала корм Норе и иногда ночью открывала рабочий файл. Бывали дни, когда занятие добавляло усталости. Наутро болело так, что Яна просила детей добираться самостоятельно.

Но к концу месяца в календаре появились два повторяющихся часа, которые не отдавались другим автоматически.

Они всё ещё не были неприкосновенными. Один раз Яна отменила занятие, когда у Глеба поднялась температура. Другой раз перенесла из-за собственного врача. Но причина теперь должна была быть настоящей, а не просто более громкой, чем её желание пойти.

Однажды Яна приехала после особенно тяжёлого дня. С утра отвезла Глеба, провела три созвона, забрала Олесю с лабораторной, заехала за лекарствами и сорок минут искала парковку. Сидела в машине, положив лоб на руль.

До начала оставалось пять минут. Можно было написать Илье, что не успевает. Формально это даже было правдой: переодеться за пять минут Яна не могла.

Она всё-таки вышла.

— Сегодня поздно, — сказала, войдя в зал.

— Сегодня пришли, — ответил Илья.

Тренировка была короткой: несколько упражнений сидя, минута на дорожке, долгий отдых. Никакого нового результата.

Вернувшись к машине, Яна заметила, что садится чуть легче, чем выходила час назад.

Дети тоже постепенно привыкали. Лёша однажды забрал Глеба на автобусе, ворчал всю дорогу и вечером сообщил, что это возможно, но неудобно. Олеся заказала продукты, когда Яна задержалась. Глеб перестал звонить перед каждой тренировкой и чаще писал: «Я доеду».

Никто из них не стал меньше нуждаться в Яне. Просто необходимость перестала автоматически означать её немедленное присутствие. Иногда нужен был разговор, такси, старший брат, доставка или час ожидания. Их семья понемногу училась существовать не только через один человек, который держал в голове все маршруты.

Нора по-прежнему ждала у двери и после возвращения проверяла, точно ли хозяйка пришла одна.

Потом шла за Яной в комнату и занимала своё место на кровати. В отличие от детей, она ничему не училась и не собиралась становиться самостоятельнее. Её выбор оставался прежним: если Яна дома, нужно быть рядом.

Теперь эта преданность не всегда ощущалась обязанностью. Иногда Яна ложилась на десять минут после зала, запускала пальцы в густую шерсть и позволяла Норе удерживать её на месте, пока ноги переставали дрожать.

На парковке у входа Яна несколько раз видела большой чёрный Range Rover. Его водитель здоровался с администратором и обычно приезжал раньше неё. Однажды он придержал дверь, пока Яна шла от машины.

— Спасибо, — сказала она.

— Пожалуйста.

Яна прошла внутрь, не рассматривая его. Дома Глеб уже писал, что голоден, а Лёша спрашивал, где лежит документ для автошколы.

В календаре на следующую среду снова стояла тренировка.

Яна не собиралась её отменять.

Часть третья. Вместе

Глава 22. Чёрная машина

К октябрю Яна уже перестала каждый раз считать поездку в зал отдельным подвигом. Два раза в неделю в календаре стояла тренировка, и дети знали: прежде чем звонить маме с просьбой срочно приехать, надо хотя бы проверить автобус, написать брату или посмотреть, нельзя ли подождать час.

Это работало не всегда. Глеб мог закончить репетицию раньше, Олеся — выйти из университета с двумя тяжёлыми папками, Лёша — вспомнить о документе, который лежал дома. Иногда Яна всё-таки отменяла занятие. Но теперь тренировка не исчезала из расписания только потому, что кому-то было удобнее, чтобы она снова всё решила сама.

В ту среду с утра шёл дождь. К вечеру он стал мельче, почти незаметным, но асфальт блестел под фонарями, а дворники приходилось включать каждые несколько минут. Яна опаздывала. Перед последним созвоном дизайнер прислал ещё один вариант обложки, Глеб написал, что забыл тубус в школе, а на выезде из центра две машины не поделили полосу и собрали пробку.

Парковка у спортзала была почти заполнена.

Обычно Яна проезжала дальше, к краю соседнего двора, где можно было поставить машину свободно. Потом приходилось идти лишние сто метров, зато не нужно было медленно протискиваться между чужими дверями и гадать, чувствует ли она правый бок машины или только надеется, что чувствует.

Сегодня свободным оставалось одно место — рядом с большим чёрным Range Rover.

Яна проехала мимо. На втором круге место по-прежнему было свободно, будто специально её дожидалось. Сзади уже остановилась машина, поэтому сделать вид, что она опять не заметила, не получилось.

Она включила поворотник, сдала назад, выровняла руль и сразу поняла, что встала криво. Попробовала ещё раз. Чёрная машина в правом зеркале казалась неприлично близкой, слева разметка уходила под колесо.

— Ну конечно, — сказала Яна самой себе.

На третьей попытке машина оказалась внутри разметки. Не ровно, но хотя бы не поперёк. Яна заглушила двигатель, открыла дверь осторожно и протиснулась наружу. Между машинами оставалось достаточно места, чтобы пройти боком.

У входа стоял владелец чёрной машины — тот самый мужчина, которого она уже несколько недель видела в зале. Высокий, с короткими тёмными волосами и сединой у висков. Он придерживал стеклянную дверь женщине с большой спортивной сумкой, потом остался ждать, пока Яна дойдёт от парковки.

— Я не поцарапала? — спросила она вместо приветствия.

Он посмотрел на свою машину.

— Пока нет.

— Очень поддерживающий ответ.

— Могу сказать, что расстояние огромное.

— Не надо, — сказала Яна. — Я уже вижу, что встала криво.

— Зато в пределах разметки.

— У меня невысокие требования к успеху.

Он улыбнулся и пропустил её внутрь.

Спортзал занимал второй этаж небольшого торгового здания. С улицы сначала попадали в общий холл: слева была стойка администраторов, справа — кофейня с отдельной дверью и несколькими столиками за стеклом. Дальше начиналась широкая лестница. Лифт тоже был, но Яна пользовалась им только после особенно тяжёлых тренировок. Подниматься вверх ещё получалось самой, если не торопиться.

Сегодня за стойкой сидела Лена. Она запоминала имена, номера шкафчиков и чужие привычки быстрее, чем Яна — расписание собственных детей.

— Илья уже спрашивал, где вы, — сказала она, протягивая ключ.

— Скажите, что я героически победила парковку.

— Он спросит, сколько повторов сделала парковка.

Мужчина положил карту на стойку.

— Мне тоже ключ, пожалуйста.

— Кирилл, у вас сто двадцать третий свободен, — сказала Лена. — Полотенце брать будете?

— Нет, спасибо.

Так Яна впервые услышала его имя, хотя Илья наверняка называл его раньше. Просто раньше она его не запомнила.

На лестнице Кирилл шёл на несколько ступеней впереди. Не оборачивался проверить, успевает ли она, но и не поднялся слишком быстро. На втором этаже он свернул в мужскую раздевалку. Яна — в женскую.

В раздевалке пахло влажной тканью и сладким шампунем. Оксана с короткой стрижкой сидела у края скамейки и осторожно застёгивала бюстгальтер, стараясь меньше двигать больным плечом. Две девушки у зеркала обсуждали, где заказать ужин, и по очереди искали одну резинку для волос.

Яна переделалась, убрала телефон в сумку и всё равно ещё раз проверила экран. От Глеба было сообщение: «Дома». Олеся прислала фотографию коробки с образцами и написала, что сегодня доедет сама.

Илья встретил Яну возле дорожки.

— Девять минут.

— Восемь. Одну минуту я снимала куртку.

— Опоздание начинается у двери здания.

— Тогда двенадцать. Я парковалась.

Он посмотрел на неё, потом на часы.

— Телефон где?

— В сумке.

— Отлично. Именно поэтому сегодня ничто не мешает вам заниматься.

— Дети могут позвонить.

— Через час проверите. Если что-то действительно срочное, позвонят ещё раз.

Яна вздохнула, но возвращаться в раздевалку не стала.

Зал был длинным, с окнами во всю стену. В октябре за ними уже рано темнело, поэтому стекло отражало людей и тренажёры почти лучше, чем улицу. Возле окна Оксана медленно крутила педали велотренажёра. Николай Петрович разминал колено у шведской стенки. Антон на другом конце зала громко считал кому-то последние повторы, хотя до конца подхода оставалось ещё восемь.

Кирилл занимался у стойки для тяги. Спокойно менял вес, делал подход, вытирал рукоятки и отходил в сторону, освобождая тренажёр. Иногда коротко разговаривал с Верой, тренером по восстановлению после травм. Потом снова занимался.

Илья поставил Яне дорожку на самую маленькую скорость.

— Две минуты.

- В прошлый раз было две двадцать.
- В прошлый раз вы приехали не после часа в пробке.
- Вы всё помните, чтобы потом использовать против меня.
- Именно за это вы мне платите.

На полу возле дорожки стояла бутылка. Яна смотрела на таймер и старалась не замечать, как медленно идут секунды. На первой минуте заболела спина. На второй начала тянуть левая нога. Когда Илья выключил дорожку, она ещё несколько секунд держалась за поручни.

- Сегодня тяжело, — сказала она.
- Вижу.
- Можно было остаться дома.
- Можно. Но вы приехали.

Он не превратил это в похвалу. Просто подвёл к тренажёру с опорой для спины и поставил меньше веса, чем обычно.

Первый подход Яна закончила на трёх повторениях.

- Ещё два, — сказала она.
- В следующем подходе.
- Этот не закончен.
- Закончен. Сегодня здесь три.
- Очень удобно вести записи самому.
- Вы поэтому ко мне и ходите.

Яна отпустила ручки. Через несколько секунд Илья уменьшил вес ещё на одно деление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.